

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ЛЕДЯНОЙ ПАЛАЧ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Ледяной палач (сборник)

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Ледяной палач (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2023 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-187891-7

Еще одна книга легендарного тандема Леонов – Макеев. На центральной площади областного города в одной из ледяных фигур обнаружен труп девушки. Полковники МВД Гуров и Крячко установили, что погибшая, московская студентка, пропала перед самым Новым годом. Выяснилось также, что фигура, в которой обнаружили жертву, в предварительно согласованный план ледяной композиции не входила. Что это – злая шутка маньяка, принявшего своеобразное участие в оформлении города? Внезапно оказывается, что в сказочном городке есть еще одна «лишняя» скульптура. То, что открылось внутри нее, окончательно сбilo с толку матерых сыщиков... Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга – это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг, полковник Лев Гуров – сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он – настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива. Ставшая классической серия «Черная кошка» насчитывает более 200 книг, вышедших тиражом в десятки миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187891-7

© Леонов Н. И., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Привет от Скульптора	7
Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	16
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	44
Глава 10	48
Глава 11	51
Глава 12	54
Глава 13	57
Глава 14	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Николай Леонов, Алексей Макеев

Ледяной палач

© Макеев А. В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Привет от Скульптора

Пролог

Ленка Ащеулова чувствовала себя не в своей тарелке. Компания, в которой она собиралась праздновать Новый год, была ей совершенно незнакома. Не то чтобы Ленка некомпанейская, совсем наоборот. Она всегда вписывалась в любую молодежную тусовку легко и сразу же становилась своей среди чужих. Вот и в этот раз ее приняли очень даже радушно и по-свойски. Но только чувствовала Ленка, что относятся к ней хотя и хорошо, но несколько снисходительно, по-матерински, что ли. И не потому, что все в этой новой для нее компании были старше ее как минимум лет на восемь, а скорее потому, что она со своими изумрудными, как у русалки, волосами и в шикарном длинном зеленом платье от Версаче, с двумя золотыми колечками пирсинга в правой ноздре выглядела нелепо среди одетых по-простому молодых женщин. Правда, их мужчины, друзья Захара, смотрели на нее с нескрываемым восторгом. Но и только. У Ленки было ощущение, что любят ее, как моделью с красивого фото в модном мужском журнале, не больше.

Ленке было странно, что и Элька, и Маруся, и Таисия, и Павловна (как представилась ей самая старшая из молодых женщин) не завидовали ни ее модному и дорогому платью, ни молодости, ни красоте. Они просто и весело вовлекли ее в кухонную суету и безо всякой со стороны Ленки просьбы рассказывали ей о себе и о своих мужьях – боевых друзьях Захара, о детях, которых оставили в этот день с бабушками, о своих женских радостях и горестях.

Лена улыбалась, шутила и изо всех сил старалась не показать свою досаду. А ведь она так мечтала этот день, а уж тем более ночь, провести только вдвоем с Захаром! Даже с отцом поссорилась, который не хотел отпускать ее из дому и настаивал, чтобы она прежде познакомилась со своим молодым человеком, а уже потом отпрашивалась у родителей. Но Ленка была непреклонна. Обычно она, папина дочка, всегда слушалась отца и старалась ему угодить, но только не в этот раз. Захар в последнее время стал для нее важнее отца. Ленка влюбилась, и влюбилась по-настоящему, безоглядно и потеряв голову. Никакие разумные доводы и родительские посулы не могли остановить ее и оставить справлять Новый год дома, в Москве.

Ленка сама предложила Захару встретить Новый год у него. Вдвоем. Устроить романтический ужин при свечах. Захар тогда и обрадовался, и смутился одновременно. Спросил, как на это посмотрят ее родители и, может быть, ему, Захару, стоит самому поговорить с ее отцом об этом, познакомиться, так сказать... Но Ленка упрямо отказалась, заявив, что она уже большая девочка и может сама решать, с кем ей праздновать Новый год, пообещав, что познакомит Захара с отцом позже, после праздника.

Ни Захар, ни Лена, занятые друг другом и своими чувствами, совсем не ожидали, что буквально за три часа до Нового года к ним в квартиру нагрянет целая компания из восьми человек. Все друзья Захара были женаты, а у трех пар даже появились дети, и только он никак не мог встретить девушку своей мечты и потому был холостяком. Его познакомили с разными девушками, но он оставался равнодушным ко всем.

И вот ему повстречалась Ленка. Она и сама до сих пор (прошло уже целых три месяца с их знакомства) не могла понять, что Захар в ней нашел такого, что заставило его влюбиться в нее чуть ли не с первого взгляда. Да и саму себя она с трудом понимала. Что привлекло ее в этом хотя и симпатичном, но старше ее на десять лет молодом мужчине? Захар совсем не походил ни на одного из ее знакомых парней. Впрочем, о своих одноклассниках Ленка не была высокого мнения, считая их или заумными снобами, или, наоборот, никчемными и глупыми маменькиными сынками.

В тесной кухоньке Захаровой квартирki было не повернуться. Четыре «боевые подружки», как называли себя молодые женщины, были скоры не только на язык, но и на руку. Салаты и горячее они приготовили на раз и два из того, что принесли с собой. Делали все в основном сами, Ленка, которая не знала поначалу, как себя вести в их компании, была у них на подхвате. Да они и не подпускали ее слишком близко к процессу готовки – берегли ее платье.

– Леночка, где у Захара соль?

– Ленок, достань из холодильника колбаску.

– Ленчик, позови Захара, пусть он нам ножи наточит...

И Лена с улыбкой выполняла любую их просьбу. Иногда в кухню входил кто-нибудь из парней, и тогда Ленка вынуждена была выходить, теснота помещения не позволяла находиться там большому количеству народа. Стоя возле дверей кухоньки, Ленка смотрела, как в гостиной Захар и его друзья ставят стол и спорят за жизнь, пыталась поймать взгляд любимого, а когда он с чуть виноватой улыбкой смотрел на нее, она чувствовала, что бесконечно счастлива и любима.

– Девочки, у нас майонез закончился, – Павловна стояла у стола и недоуменно заглядывала в опустевшую банку.

– Давайте я сгоняю, – быстро предложила свои услуги Лена. – Маркет тут рядом, мне не тяжело. К тому же у меня и сигареты закончились.

Все девчата разом посмотрели на нее, и Павловна, которой было уже тридцать два года, скептически заметила:

– В своем узеньком платьице ты будешь шагать до магазина до самого его закрытия. Надо кого-нибудь из мальчиков послать. Они там все равно не знают, чем заняться.

Ленка выглянула из кухни и прокомментировала то, что увидела:

– Они там старый стол Захара чинят. На всю компанию одного столика, что на кухне, мало, вот они и колдуют над большим, но сломанным. Давайте я схожу, – нахмурилась она. – Мне проветриться нужно. Да и Ахмата заодно выведу.

– Точно! – воскликнула Элька. – Про Ахмата все забыли. Где он, кстати?

– Так вот он, на пороге, мордой к коридору лежит и на меня грустными глазами смотрит, – показала Ленка на дальневосточную овчарку, которая, положив крупную лобастую голову на лапы, терпеливо ждала, когда на нее обратят внимание.

– Он такой умница, – похвалила собаку Маруся. – Захар умеет с собаками обращаться. Вот какого помощника себе вырастил! Другой пес на месте Ахмата нам на кухне бы проходу не давал – такие запахи кого хочешь с ума сведут. А этот лежит и терпеливо ждет, когда его накормят и выведут.

Ленка уже пошла в прихожую и стала натягивать на себя новую норковую шубку с капюшоном, которую ей подарил накануне отец, когда к ней вышел Захар.

– Давай я с тобой пойду, – предложил он и потянулся взять пальто, но Ленка остановила его:

– Не надо. Останься. Я быстро схожу, туда и обратно. Не нужно гостей одних оставлять.

Захар подошел к ней и, обняв, притянул к себе. Он заглянул в Ленкины зеленые русалочьи глаза и спросил:

– Ты обижаешься? Но я и сам не знал, что так получится. Я их предупредил, что буду с девушкой. Это Валентин всех с панталыку сбил, они и пришли с тобой познакомиться. Дивно им, что я – и с девушкой.

– Ничего я не обижаюсь, – улыбнулась Ленка. – Они все мне понравились. Очень милые у тебя друзья. Не такие, как все, к кому я привыкла. Они лучше, чище, правдивей. Как ты.

– Лен, это на одну ночь, а потом у нас с тобой будет еще целых два дня, – словно оправдываясь, Захар прижал Ленку к себе еще крепче и поцеловал.

Ленка почувствовала, что начинает таять в его объятиях, и поспешила освободиться.

– За нами наблюдают, – она шутливо скосила глаза, взглядом показывая на смотрящую на них снизу вверх овчарку. – Нам с Ахматом нужно воздуху свежего глотнуть. Магазин через двадцать минут закрывается. Так что мы пошли, а вы тут стол доделывайте.

Ленка с собакой вышла на морозный воздух и поежилась. Шубка шубкой, а ноги у девушки – в одних лишь капроновых чулочках и совсем даже не в теплых сапожках. Приехала она во Владимир на машине, рассчитывала все эти дни просидеть в квартире у Захара, а поэтому теплых вещей с собой не брала. Глупо, конечно. А вдруг она и Захар соберутся погулять по городу? Джинсы-то у нее есть, а вот ноги долго на морозе в сапогах на рыбьем меху не выдержат.

Вздохнув, Ленка обратилась к Ахмату:

– Ну что, пойдем? Будешь меня от хулиганов охранять.

Овчарка поняла ее и, вильнув хвостом, пошла рядом. Поводок и намордник Захар на Ахмата никогда не надевал – знал, что пес обучен и без команды никогда ни на кого не бросится.

Магазин, где Ленка намеревалась купить майонез и сигареты, был буквально через дорогу от дома, где жил Захар. Народу на улице практически не было, лишь редкие прохожие иногда пробегали мимо Ленки, косились на собаку без намордника и спешили дальше. Ахмат на людей внимания не обращал и лишь иногда отбегал от Ленки по своим собачьим делам, но потом возвращался и виновато заглядывал ей в глаза. Она улыбалась ему, гладила по голове и приговаривала:

– И нечего виниться. Для того тебя и вывели. Так что если надо, то иди.

Возле самых дверей магазина Ленка скомандовала псу:

– Сиди и жди меня. Я быстро вернусь.

Ахмат послушно сел чуть в стороне от дверей и замер.

– Девушка, мы уже закрываемся! – поторопил Ленку охранник, и она бегом кинулась в тепло маркета, на ходу доставая из кармана кошелек, в котором лежала банковская карта.

Обратно Ленка шла не торопясь. Коленки у нее, правда, замерзли, но возвращаться в душную, полную народу квартиру она не спешила. Захотелось покурить, и Ленка достала тонкую ароматную дамскую сигаретку. Не то чтобы она курила по-настоящему, но иногда, когда настроение было подавленным, она могла выкурить за вечер две-три сигареты. Вот и сейчас она вдруг сильно захотела затянуться ароматным дымом и почувствовать фруктово-ягодный привкус Kiss у себя во рту.

– Вот черт, зажигалку забыла, – чертыхнулась Ленка, обшарив все карманы и не обнаружив в них, чем можно было бы раскурить сигаретку.

Она огляделась, надеясь, что кто-нибудь будет проходить мимо и даст ей прикурить. Но улица словно вымерла, только в небольшом отдалении от нее какой-то мужик суетился возле объемного багажника серебристого «Ленд Крузера». Немного подумав, Ленка направилась к мужчине, но, не доходя до него шагов десять, вспомнила об Ахмате и приказала овчарке:

– Сиди, жди меня тут. А то напугаешь еще человека.

Пес послушно уселся, но не спускал внимательных глаз с Ленки, пока она шла к незнакомцу.

– Мужчина, прикурить не найдется? – Ленка подошла и встала за спиной невысокого, но крепкого, судя по широкой спине, мужичка в дубленке и вязаной черной шапочке.

Тот, увлеченный своим делом, не заметил, как к нему подошла девушка, вздрогнул, когда услышал ее голос, и резко развернулся к ней лицом.

– Чего? – глуповато спросил мужичок. На вид ему казалось лет под сорок. Он шмыгнул своим курносый носом и уставился на Ленку маленькими, холодными, как у рыбы, глазками. – Че надо? – он угрюмо посмотрел на девушку.

Ленка, не подозревая ничего плохого в эту новогоднюю и, в общем-то, счастливую для нее ночь, улыбнулась и протянула зажатую в пальчиках сигаретку.

– Огоньку, говорю, не будет? Зажигалку дома забыла. А вы что там грузите? Шампанское? – Ленка сделала шаг вперед и заглянула через плечо мужчины в багажник.

Лучше бы она этого не делала. То, что она там увидела, привело ее не просто в замешательство, а в шок. Она забыла, что хотела попросить прикурить, и про сигарету тоже забыла. Глаза ее округлились, и она начала тихонько пятиться от машины и от мужика, который, сузив глаза, смотрел на нее не мигая, и во взгляде его ничего хорошего для Ленки не было.

– Ты откуда тут такая пряткая на нашу голову взялась? – раздался за спиной у Ленки голос.

Ленка, вздрогнув всем телом, повернулась и тут же была схвачена в крепкие тиски объятий второго мужчины, который незаметно подкрался к ней сзади. В отличие от первого – маленького и крепкого – этот был высокий и худой. Ленкино лицо оказалось как раз напротив его груди, обтянутой лохматым свитером.

– Она видела? – спросил он у маленького и кивнул в сторону багажника.

Тот молча и хмуρο кивнул в ответ.

– Ну, и что мы будем делать? – поинтересовался худой.

Ленке совсем даже не понравился этот его вопрос. Она попыталась освободиться из крепких медвежьих объятий, которые прижимали ее руки к телу и не позволяли даже шевельнуться, так что Ленке оставалось только крутить головой. Она вспомнила про овчарку и громко крикнула:

– Ахмат, ко мне! Чужой! Фас!

Последнее слово она уже крикнула приглушенно. Ее затылок обхватили сзади крепкой, цепкой пятерней, и лицо ее с силой уткнулось в колючий свитер, пахнущий вонючими дешевыми папиросами и еще чем-то кислым и неприятным. Капюшон шубки мешал ей видеть, наползая на лицо, но она слышала, как по снегу к ней несется на помощь большой и смелый пес. Пес, который вместе с Захаром бывал в горячих точках и служил в полиции, который был научен задерживать подозреваемых. Ленка пыталась отбиться, пыталась освободиться от того, кто ее держал, – она брыкалась, норовя наступить острым каблучком на ногу мужика, пыталась укусить его, прокусив толстый свитер, пыталась облегчить задачу Ахмату. Но вдруг услышала глухой, негромкий «бух» у себя под ухом и собачий взвизг. Потом снова «бух» и ругань худого:

– Кретин, ты весь квартал сейчас всполошишь!

– Не дрейфь, Шест. Забыл разве? Новый год – все фейерверки пускают, петарды взрывают. Или думаешь, что обыватель такой умный пошел и отличит звук выстрела из пистолета от взрыва петарды? Я тебя умоляю!

– Ты, Кот, меня не умоляй, – резко оборвал крепкого коротышку худой, – а говори, что нам с этой марухой делать. Настучит ведь, как пить дать настучит. А теперь еще и собаку ее грохнули.

– Че делать, че делать, – передразнил коротышка. – Давай ее в машину, а там видно будет. Нечего тут ее обнимать. Вдруг кто увидит. Тогда точно влипнем.

Капюшон с головы Ленки сняли и, схватив ее за изумрудные волосы, оторвали лицо от свитера худого.

– Нишкни, цыпа. Только вякни в голос, и урою тут же! – зашипел на нее тот, которого называли Шестом. – Поняла базар?

Ленка, с широко открытыми от страха глазами, молча кивнула. Слезы бежали у нее по щекам темными от потекшей туши дорожками. «Как же так? – испуганным кроликом метались в ее голове мысли. – Они что, Ахмата застрелили? Зачем я только к ним подошла? Теперь и меня тоже, как Ахмата и как этого... который в багажнике у них. Захар!» – мысленно крикнула

Ленка, и слезы при воспоминании о любимом побежали у нее уже не ручьем, а неистощимым потоком.

Глава 1

Рождество как христианский праздник Лев Иванович Гуров начал справлять только три года тому назад. Да и то по настоянию жены и Натальи Крячко. Не то чтобы Мария Гурова и жена Станислава вдруг стали истинными христианками и начали соблюдать все православные традиции, получилось все как-то вдруг, само собой. Года три назад к ним с Машей ни с того ни с сего седьмого января пришли в гости Станислав Крячко с женой. Они принесли с собой какие-то салатики, запеченного гуся, пирогов, и Наталья прямо с порога заявила удивленным неожиданным появлением гостей хозяевам:

– А чего дома сидеть? Все люди радуются, празднуют, традицию русского православия возрождают, а мы что, не русские, что ли? Я так считаю, что в наше время нужно возвращаться к своим исконным корням и поддерживать все наше, русское. Так я говорю, Мария? Вот ты у нас человек творческий, интеллигентный, ты мне скажи, правильно я говорю?

– Правильно, – согласилась Маша и отправилась вместе с Натальей на кухню разогревать гуся и строгать нарезку из того, что найдется в холодильнике. А нашлось там после празднования Нового года немало.

– Вы Орлову позвоните, пока мы тут все готовим, пусть тоже приезжает и присоединяется к празднованию, – подсказала Мария Льву Ивановичу.

Орлов в гости приехал и традицию одобрил. Так и повелось с того времени – праздновали Рождество, как и положено православным. Женщины даже на следующий год после почина на утреннюю рождественскую службу в церковь поехали. Мужья их ехать отказались, потому что где же это видано, чтобы полковники уголовного розыска ездили в церковь?

В этом году решили собраться снова у Гуровых. Мария, теперь уже заранее приготовившая и горячее, и пару салатов (остальное обещали привезти супруги Крячко), занялась сервировкой стола, а Лев Иванович в ожидании гостей задумчиво рассматривал содержимое бара.

– Маша, что вы с Натальей будете пить? Мы-то, мужики, как обычно – лучше коньячка все равно ничего нет. А вам, дамам, что достать?

– Лева, вот каждый раз одно и то же спрашивать не надоело? – Мария с улыбкой посмотрела на мужа. – Мы с Натальей, можно подумать, такие гурманки и любительницы выпить, что ты прямо в растерянности.

– Так ведь кто знает? А вдруг желание какое-нибудь новое появилось? – пробормотал Гуров, доставая из недр бара белое сухое вино, которое обычно пили женщины.

Станислав Крячко – неизменный напарник, коллега и друг Гурова – в этот раз приехал хмурый и чем-то расстроенный.

– Не обращайтесь на него внимания, – махнула рукой на мужа Наталья. – Он сегодня не с той ноги поднялся. Говорит, что ему сон приснился плохой и что сегодня праздновать нам не придется. На работу вызовут и весь кайф обломают. А кто тебя, говорю, вызовет, если Орлов будет вместе с нами за столом сидеть? Но он уперся. Предчувствия, говорит, меня никогда не обманывали.

– Да, с этими их предчувствиями прямо беда, – согласилась с подругой Мария. – И ведь что характерно, они практически всегда оказываются правы, – вздохнула она.

– Вот, а я что говорю, – нахмурился Станислав, внимательно рассматривая этикетку пузатой коньячной бутылочки.

– Станислав, а давай мы с тобой, пока никто нас еще никуда не вызвал, выпьем по пять грамм и всем предчувствиям козью морду покажем, – бодрым голосом предложил Лев Иванович.

– Что, и Петра ждать не будем? – покосился на друга Крячко.

– А чего его ждать? – коварно усмехнулся Гуров. – Он даже в выигрыше останется. Мы ему, как опоздавшему, штрафную рюмочку нальем.

– Тогда давай, пока не началось, – уже веселее ответил Крячко.

Выпить они не успели – в дверь позвонили, и Мария крикнула из кухни, что она занята и открывать дверь прибывшему Орлову Лев Иванович должен сам. Вздыхнув, Гуров направился в прихожую и вернулся из нее уже в сопровождении Петра Николаевича, общего их со Станиславом друга, генерала, а заодно и начальника Главного управления уголовного розыска России – того самого, где Крячко и Гуров работали уже больше двадцати лет.

– Нос у тебя, Петр, как у ищейки – чует, где коньяк наливают. Только решили со Станиславом предчувствия обмануть и выпить, как ты на порог.

– Какие вы там еще предчувствия обманывать собрались? – потирая руки и проходя ближе к кухне, поинтересовался Орлов. – С праздником вас, дамы, – поздоровался он с Натальей и Марией и добавил: – Погодка на улице прямо-таки весенняя. Чудно – в начале января и такая оттепель! – Потом он повернулся к Гурову с Крячко и переспросил: – Так что там у вас за предчувствия?

– Давайте сначала выпьем, а потом уже Станислав тебе все и расскажет, – ответил Лев Иванович, наливая Орлову.

– Вы что же, пять минут подождать не можете? – Из кухни вышла Наталья с блюдом фруктов в руках. – Успеете еще. Лучше помогите мне все на стол расставить.

Мужчины дружно вздохнули и цепочкой потянулись к дверям кухни. Через пять минут все уже сидели за праздничным столом.

– Ну, теперь-то можно? – спросил Лев Иванович, покосившись на Наталью.

– Нам тоже налейте, а то нечестно как-то получается, – приподняла тонкую бровь Мария. Крячко дотянулся до вина и начал было наливать, как вдруг Наталья прислушалась, склонив голову набок, а потом спросила:

– Чей там телефон в прихожей песни поет? Станислав, ты свой в кармане оставил? У меня-то в сумочке.

– Нет, мой телефон тут, в кармане, – Крячко похлопал по карману пиджака.

– Это мой, – встал Орлов и быстрым шагом вышел в коридор.

– Это они, – упавшим голосом заявил Крячко и посмотрел на Гурова.

– Кто они? – не понял Лев Иванович.

– Предчувствия, – многозначительно ответил Станислав.

Все притихли, прислушиваясь. Орлов все не возвращался, хотя телефон уже перестал звонить и все услышали, что он с кем-то разговаривает.

– Лева, ты как хочешь, а я выпью, – решительно заявил Станислав, поднимая свою рюмку. – Если нужно, так я тогда лучше пешком на работу пойду. А еще лучше – до завтра все подождет.

– Всем привет и поздравления от министра, – в комнату вошел Орлов и с усмешкой посмотрел на Крячко. – Только что звонил и поздравлял лично. Ну чего ты, Станислав, так на меня смотришь? Коли рюмку взял, так ставить ее обратно на стол – плохая примета.

Все облегченно рассмеялись и принялись поздравлять друг друга с праздником...

Утром Гурова разбудил звонок сотового. За окном было еще темно, и, чтобы не разбудить Марию, он быстро выскользнул из постели и, прихватив телефон, направился на кухню. Звонил Орлов.

– Тебе чего не спится? Коньяк не зашел? – сонно спросил Лев Иванович. – Рано ведь еще.

– Это тебе рано, – буркнул в ответ начальник.

Гуров по голосу Петра Николаевича почувствовал, что Орлов сейчас больше начальник, чем друг и товарищ, а поэтому уже серьезно спросил:

– Что случилось-то?

– Черт бы побрал этого Крячко с его предчувствиями, – ответил генерал. – Давай, поднимай его из постели и приезжайте на работу. Да заправься по дороге, поедете с ним в Суздаль. Накаркал Станислав – там... Впрочем, не по телефону. Приедете, я все расскажу на месте. – Орлов отсоединился, а Гуров, вздохнув и пригладив волосы на затылке, стал набирать номер телефона Станислава.

Тот, словно бы только и ждал этого звонка, сразу же ответил шепотом:

– Выкладывай.

– Да я и сам еще ничего не знаю, – ответил Гуров. – Петр только что позвонил и велел к нему подъехать. Говорит, что в Суздале какое-то ЧП и без нас там не разберутся. Сколько хоть времени?

– Половина седьмого, – так же шепотом ответил Крячко. – Во сколько тебя ждать? Кофе-то хоть выпить успею?

– Пей, – снисходительно позволил Лев Иванович. – Я и сам еще неумытый, неодетый и непроснувшийся. Не раньше чем через полчаса к тебе доберусь.

– И то радость, – усмехнулся Станислав и дал отбой.

– Ты чего тут с утра пораньше по телефону шушукаешься в темноте? – на кухню вошла Мария, включила свет и села рядом с мужем. – У твоего Крячко предчувствия сбылись?

– Сбылись, – усмехнулся Лев Иванович. – Орлов намекает на командировку в Суздаль.

– М-м-м, Суздаль... – мечтательно улыбнулась Мария. – Красивый городок. Помнишь, мы как-то в нем с тобой побывали. Давно, правда, это было.

– Вот, похоже, что теперь без тебя буду всеми достопримечательностями любоваться, – нахмурился Гуров. – Если время на это, конечно, будет.

– Иди умывайся, одевайся. Я тебе кофе поставлю да в дорогу что-нибудь соберу, – встала со стула Мария.

– Много не нужно. Термос с крепким чаем лучше приготовь. Я деньги возьму с собой. Не бойся, голодным не останусь. Вчера на целый год наелся.

– Вот и будете с Крячко доедать, что вчера не съели, – рассмеялась жена, подталкивая Льва Ивановича к выходу из кухни.

В половине восьмого оба оперативника уже стояли в кабинете Орлова. День был нерабочий, а потому секретарши на месте не оказалось, да и вообще народу, кроме дежурных, в управлении никого не наблюдалось.

– Чего встали как пни, садитесь, – Орлов кивнул на стулья. Сам он садиться не собирался и стоял возле окна, заложив руки за спину.

– И что там, в Суздале, такого срочного? – осторожно поинтересовался Лев Иванович, видя, что генерал не очень торопится рассказать им все новости.

– Меня сегодня в шесть утра подняли, – скептически посмотрев на свое отражение в темном оконном стекле, ответил Орлов. – Случай, прямо скажу, неприятный и неординарный. Хотя что я говорю? Неординарным и неприятным можно назвать всякое убийство человека. А уж тем более – молодой девушки. Но тут... – генерал вздохнул, нахмурился еще больше и опустил голову. – У меня племяннице восемнадцать лет, совсем еще девочка. В общем, ассоциации... – Он помолчал и продолжил: – Вчера вечером в полицию города Суздаля поступил звонок. В снежном городке на центральной площади был найден труп молодой девушки лет восемнадцати-двадцати. Тело было спрятано... Да, наверное, так нужно сказать – спрятано в одной из снежных фигур. Изображающей Русалочку, кажется. Представляете? – Орлов повысил голос и, резко повернувшись к подчиненным, гневно рубанул ребром ладони воздух перед собой. – Мало гадам, что убили молоденькую девочку, так еще и в снежный куб затрамбовали и русалочку вырезали. Словно в издевательство. Не постеснялись в самый центр города привезти и поставить. А ведь там дети – на площади-то!

Орлов четким размеренным шагом прошагал к своему столу, но садиться не стал, а сжал руками спинку кресла так крепко, что Гуров с Крячко заметили, как побелели у генерала пальцы.

Сыщики молчали, не зная, что ответить начальнику и другу на его справедливую гневную тираду. Они представили себе всю картину этого ужасного преступления и опустили головы, задумавшись над людской жестокостью. Им, оперативникам с большим стажем и опытом работы в уголовке, приходилось сталкиваться и с куда как худшими преступлениями. Но и их потрясла циничность и наглость преступников, которые не постеснялись чуть ли не в открытую заявить о себе. Наверняка изверги понимали, что привлекут внимание к своему преступлению, и таким вот образом бросали вызов органам правопорядка, будто говоря: вот, мол, мы какие лихие и бесстрашные, попробуйте поймайте нас.

– Подробности какие-то известны? – спросил Крячко, мало надеясь на получение этих самых подробностей от своего начальника.

– А ты сам как думаешь? – хмыкнул Орлов. – Местные вчера и успели только, что увезти это снежное... не знаю даже как назвать, – тяжело вздохнул он. – Растопили снег и вынули тело. Теперь им медэксперт занимается. Кто эта девушка... – генерал пожал плечами. – Надеюсь, что к вашему приезду ее опознают. Городок на площади оцеплять не стали – смысла нет. Там народу уже побывало за эти дни тьма-тьмушая.

– А сама эта снежная русалочка сколько там находилась? – поинтересовался Гуров.

– Вот и будете все на месте выяснять, – коротко ответил Орлов. – И чтобы меня в курсе держали. Ясно?

– Как обычно, Петр Николаевич, как обычно, – кивнул Станислав.

– Что-то еще или уже можно идти? – Лев Иванович выжидательно посмотрел на начальника.

– Вы там сразу, как приедете, спросите Петровского. Он вас в курс дела введет и все расскажет, помощь, какую надо, выделит. Дело серьезное, – задумчиво сказал Петр Николаевич и добавил, покачав головой: – Это ж кем нужно быть, чтобы до такого варварства додуматься?!

От столицы ехать до Суздаля надо было часа три. Удрученные неожиданной поездкой и неприятной информацией, которую выложил им Орлов, сыщики долго молчали, обдумывали ситуацию. Первым нарушил молчание Станислав:

– Есть какие-то предположения по поводу личности убийцы?

– Информации у нас пока еще мало, чтобы строить предположения, – выдержав небольшую паузу, ответил Гуров. – Одно ясно – сделать такое с молоденькой девушкой мог только больной на всю голову маньяк или...

– Или это некое послание, – продолжил Крячко.

– Послание, предупреждение, привет... Какая разница, как это назвать? Но вполне возможно, что сделали это не ради развлечения, а с каким-то умыслом. Знать бы еще с каким.

– Будем искать, – согласно кивнул Крячко, и оба сыщика снова надолго замолчали. И только когда уже подъезжали к Суздалю, Станислав заметил: – Если бы не эта рождественская оттепель, то еще неизвестно, когда бы тело обнаружили – может, только к весне.

– А может, и вовсе никогда, – нахмурился Лев Иванович. – Куда потом эти снежные статуи из города после праздников вывозят? В реку скидывают или на свалку – кто знает?

– Городская администрация должна знать.

– Надо будет уточнить этот момент.

– Зачем? Наше тело ведь уже никуда не вывезут, – резонно заметил Крячко.

– Ну, мало ли... Всякое знание когда-нибудь пригодится, – ответил Лев Иванович.

Глава 2

Найти начальника суздальского МВД оказалось делом несложным. Петровский Аркадий Сергеевич сидел в своем кабинете и вычитывал какие-то бумаги, когда дежурный проводил к нему Гурова и Крячко. Полковник встал и, поздоровавшись с оперативниками за руку, сразу же приступил к делу.

– Не будем отвлекаться на вежливые, но никому не нужные политесы и расспросы. Давайте-ка я сразу вам расскажу все, что известно на сей момент, – сцепив пальцы в замок и серьезно глядя на московских коллег, сказал он. – Тело девушки в возрасте восемнадцати-двадцати лет было обнаружено вчера в девять вечера двенадцатилетним подростком Ильей Матвеевым. По рассказу свидетеля, он с друзьями играл в городке и в какой-то момент, пробегая мимо одной из снежных фигур, а если конкретно, то фигуры Русалочки, задел ее за руку. По всей видимости, он не просто ее задел, а ударил по ней палкой, – ухмыльнулся полковник. – Пацан, что с него возьмешь, – покрутил он головой. – Снег с руки упал, оттепель сделала свое дело, и он подтаял, а на месте снежной руки мальчик увидел настоящую, человеческую руку. Парень, конечно же, сначала растерялся...

– Представляю, – кивнул Лев Иванович. – Я бы и сам перепугался, а тут мальчишка.

– Не скажите! – возразил Петровский. – Нынче дети пошли отважные и непуганые. В интернете такого насмотрятся, что им сам черт нипочем. Испугаться парень не испугался, но дружков своих на такое «чудо» позвал посмотреть. А когда они насмотрелись вдоволь, то один из них позвонил своему отцу и рассказал о находке. Папенька, сами понимаете, праздник отмечал и поначалу не поверил сыну, но потом все-таки пришел, заодно пообещав надрать всем уши, если они его разыгрывают.

– А что, взрослых в это время на площади никого не было? Вроде бы как не поздно – девять-то часов, – уточнил Крячко.

– Какое там, – махнул рукой Петровский. – Вот вы сами вчера вечером чем занимались? – он с ехидной ухмылкой посмотрел на Гурова и Крячко, и те опустили глаза. – Вот-вот! В общем, звонок от гражданина Тельникова Алексея Валериановича поступил к нам в девять часов тридцать пять минут. Сначала на место приехал дежурный оперативник. Так сказать, для проверки вызова. Потом он отзвонился мне, и мы с ним решили связаться с мэром. Тот дал добро на вывоз... э-э-э... снежной скульптуры. Не доставать же тело прямо на площади. Приехали грузовик и кран, загрузили, отвезли к нам во двор, – полковник махнул рукой в сторону окна. – Все данные свидетелей переписали, но пока что никого не опрашивали. Ребята с соседней стройки, благо там бригада одна еще работала, свет прожекторами на наш задний двор направили и горелками аккуратно снег растопили, девушку достали и передали судмедэксперту. Сразу проббили по нашей городской базе данных на предмет заявлений о пропаже. Девушка, по всей видимости, не из Суздаля, – вздохнул он. – Варежкин сейчас сидит у себя в кабинете и пытается определить, кто она такая и откуда.

В дверь постучали, и в кабинет заглянул лохматый, рыжеволосый и конопатый парень лет тридцати.

– Заходи, Варежкин, только про тебя вспомнил! – обрадовался Петровский. – Ну что, нашел?

– Нашел, Аркадий Сергеевич, – шагнул в кабинет парень и, добродушно поздоровавшись с сыщиками, добавил: – Из Москвы она, Ащеулова фамилия, Елена Валерьевна. Девятнадцать лет. Заявление о пропаже, а вернее о похищении, было подано сразу двумя лицами – отцом и неким Пантелеевым Захаром Дмитриевичем – первого января. Но подано почему-то во Владимире.

– Что значит почему-то? – не понял Петровский.

Варежкин пожал плечами.

– Откуда пропала, оттуда и заявление подали. Наверное, она из Москвы во Владимир приехала на праздники, – бодро предположил оперативник.

– Ты сядь, – Петровский приглашающе указал подчиненному на стул. – И познакомься с коллегами из Москвы. Они будут это дело вместе с тобой расследовать. Так ты говоришь, что она была похищена первого января? Откуда такие сведения?

– Антон, – представился Варежкин Гурову и Крячко. – Похитили ее не первого, а тридцать первого, это заявление первого числа было написано, – уточнил он. – А о том, что ее похитили, я узнал, позвонив во Владимир по телефону, который оставлен для информации. Для тех, кому есть что сообщить о девушке. В общем, я пока ничего не предпринимал, не говорил, что ее нашли, решил сначала все вам доложить.

– А это точно она – Ащеулова? – засомневался Крячко.

– По фото и по описанию судить – так похожа, – снова пожал плечами Варежкин. – Но нужно вызывать отца для опознания. Тогда уже точно можно будет сказать – она или не она.

– Девушка была одета, когда тело достали из снега? – спросил Лев Иванович.

– Верхней одежды на ней не было. Только платье и чулочки. Ни обуви – сапожек замшевых на шпильке, ни шубки, как написано в описании внешности, – ничего не было. И вещей при ней, значит, тоже никаких. А вот платье ее – оно под описание очень даже подходит. Красивое такое, изумрудного цвета, длинное, от Версаче. В общем, дорогое платье.

– Так, – постучал пальцами по столу Петровский. – Значит, нужно будет вызывать ее отца и этого, как там второго зовут... Ну, кто заявление подавал. Его фамилия Пантелеев? – вопросительно посмотрел он на Варежкина, и тот согласно кивнул. – А он вообще кто такой, этот Пантелеев? Родственник или...

– Не знаю, – Варежкин в третий раз пожал плечами. – Говорю же, не уточнял еще ничего.

– Ладно, понял, – хлопнул ладонью по столу Петровский. – По крайней мере, у нас есть от чего отталкиваться. Сейчас я вызову нашего медэксперта, посмотрим, что он нам скажет, и тогда уже начнем дальше работать.

Судмедэкспертом оказалась женщина сорока – сорока пяти лет, чуть полноватая, но фигуристая дама с короткой модельной стрижкой и сильно накрашенными глазами.

– Ольга Александровна, – представилась она сыщикам и сильно, по-мужски, пожалала обоим полковникам руку.

– Вскрытие уже производили? Время смерти установить получилось? – спросил ее Петровский.

– Ох, ну о чем вы говорите, Аркадий Сергеевич! Девушку, можно сказать, заморозили как мамонта. Все процессы затормозились. Судить о времени наступления смерти можно, только зная, когда она пропала и с какого времени эта Русалочка появилась в снежном городке.

– Первого числа было заявление о пропаже девушки, – подсказал Варежкин.

– Уже установили личность? – повернулась к нему медик.

– Предположительно, – вздохнул Петровский.

– Что ж, вполне себе вариант, – согласилась Ольга Александровна. – Возможно, что ее убили и первого числа, а возможно, что и третьего или четвертого. Узнаете, когда на площади появилась фигура Русалочки, – узнаете примерное время убийства. Точнее не получится.

– Логично. Что там по поводу остального? – Петровский кивнул, давая добро на доклад.

– Я еще не оформила отчет. Но могу сказать коротко, что смерть наступила в результате удушения. Причем, скорее всего, убили девочку, положив на лицо подушку или еще что-то, что перекрыло доступ кислорода в легкие. Следов изнасилования нет. Синяки только на запястьях. По всей видимости, ее держали за руки, чтобы не сопротивлялась. Возможно, что убивали двое. Один держал руки, другой, сев девушке на ноги, закрыл ее лицо подушкой. Все характерные признаки указывают именно на этот способ убийства. Платье, чулки и белье забрали

в лабораторию. Ребята потом подробнее расскажут, что узнали. Если говорить о содержимом желудка, то последний раз девушка...

– Ольга Александровна, вы извините, что перебиваю, но все это мы можем прочесть потом в отчете, – перебил ее Гуров, который терпеть не мог всех этих медицинских подробностей.

– Но другого я вам ничего сказать не могу, – развела руками судмедэксперт. – Снег и холод свое дело сделали – тело было заморожено и распаду не подверглось.

– Что ж, тогда спасибо вам, и ждем письменного отчета, – подвел итоги Петровский. Эксперт ушла, чуть покачивая полными бедрами.

– Давайте сделаем так, – предложил Лев Иванович. – Сейчас мы со Станиславом Васильевичем и Антоном поедem на площадь, посмотрим обстановку, поговорим со свидетелями. Не мешало бы и с мэром поговорить. Такое возможно? – он посмотрел на Петровского.

– Так наверняка, – кивнул тот. – Дело-то серьезное. Можно сказать, что в самом центре города случилось ужасное ЧП. Так что куда он денется, мэр? Согласится на встречу обязательно. На какое время встречу удобно назначить?

– Давайте часов на... – Гуров посмотрел на часы, – на два часа дня. Время послеобеденное, и, думаю, оно всех устроит. Но сначала нужно все-таки созвониться с отцом девушки и пригласить его на опознание тела. Антон, сделаете?

– Да, сейчас прямо и позвоню, – серьезным тоном ответил оперативник и встал из-за стола. – Думаю, минут через десять вернусь.

– Давай, двигай, – одобрил начальник. – А я пока гостей кофе напою. Люди с дороги все-таки.

Глава 3

На центральную площадь города поехали на служебной машине. За рулем был Варежкин, который оказался весьма разговорчивым парнем и рассказал по дороге все подробности вчерашнего вызова на место происшествия.

– Я такого еще никогда не видел, – недоуменно рассказывал он, – чтобы человека в снег утрамбовывали. А тут девушка, да еще такая молоденькая. Когда ее вчера из снега доставали, мне настолько не по себе стало, что думаю – найду этого гада обязательно, кем бы он ни был и где бы ни прятался! Кто на такое способен, должен на пожизненном сидеть. Псих какой-то. Так издеваться! Мало того, что упрятал убитую в снег, так еще и оформил в сказочный персонаж.

– Да, приятного мало, – согласился Крячко. – Слушай, Антон, ты с отцом ее говорил, он не сказал, когда подъедет?

– Мы в четыре часа встретиться договорились у городского морга. Мужик, судя по голосу, очень расстроился, но сказал, что приедет обязательно. Кстати, я по-быстрому справки о нем навел – он, оказывается, не последний человек у вас там в Москве. Он один из инвесторов по городскому строительству, и у него две большие конторы по недвижимости. Небедный, значит. У меня тут даже мысль шевельнулась. Может, это на него кто-то давит? Наступил он на мозоль какому-нибудь криминальному авторитету, тот его через дочку и решил приструнить. Обычное, в общем, дело. Классическое.

– Может, и так, – согласился Лев Иванович. – Изнасилования не было – значит, мотив похищения был не сексуальный. Уж больно вся эта постановка с Русалочкой на некое послание похожа. Вот только одно непонятно. Богатый папа – в Москве, а послание оставляют – в Суздале.

– Может, у этого инвестора и в Суздале какие-то интересы есть, – предположил Крячко. – Влез, как говорится, не в свой огород, вот и предупредили.

– Обычно предупреждение под нос получателю отправляют, а не прячут в снег и не выставляют в центре другого города, – пожал плечами Варежкин.

Гуров обратил внимание на эту странную привычку молодого оперативника – всегда пожимать плечами в лад и невпопад, и невольно улыбнулся.

– Ну, это не обязательно – под нос послание отправлять, – ответил он Антону. – Иногда, чтобы человека напугать, и не такие финты выделывают. Но почему именно Русалочка, а не Снегурочка, например, или не фея? Вот в чем вопрос. Может, именно в этом персонаже и кроется загадка?

– Ах, так вы же девушку не видели! – Антон стал выкруливать на стоянку возле площади. – Эта Елена Прекрасная просто внешне очень на русалку похожа. Сама такая тоненькая, стройная, глаза большие, зеленые, и волосы тоже зеленые.

– Что значит – волосы зеленые? – не понял Крячко.

– Выкрашены в зеленый цвет, – пояснил Варежкин. – Красивая девушка, надо сказать. Личико как у киношной Русалочки. Знаете, есть такой фильм-сказка. Я в детстве еще смотрел.

– Ну, раз ты так говоришь, значит, так оно и есть, – согласился Крячко, выходя из машины. – Вот ведь погода! Январь на дворе, а вместо снега дождь с неба льет. – Станислав надел на голову капюшон куртки.

– Это плохо, – ответил ему Гуров. – Мороз ударит – такой гололед начнется на дорогах, что и шипованная резина не поможет. Ну, веди нас, Сусанин, к месту, где Русалочка стояла.

Втроем они прошли к середине площади, и Антон, подойдя к очерченному на подтаявшем снегу красной краской кругу, сказал:

– Вот тут она и стояла. Мы место специально пометили – вдруг пригодится.

Лев Иванович и Станислав оглядели площадь. Администрация постаралась и заказала некой фирме отменный снежный городок. Были в нем и ледовый дворец, и большая горка, и крепость, и несколько ледовых фигур, и большие снежные статуи Деда Мороза со Снегурочкой. Посредине площади, неподалеку от места, где стояли сыщики, высилась городская елка. Вся площадь по периметру была обвита гирляндами и разноцветными лампочками, которые сейчас уже были выключены и качались на сыром и промозглом ветру, словно погремушки над детской коляской.

– Я обратил внимание, – сделал рукой круг Варезкин, – что Русалочка не совсем вписывается в тематику снежного городка.

– В каком смысле не вписывается в тематику? – недоуменно огляделся Крячко.

– Ну как же, Станислав, посмотри. – Гуров тронул напарника за рукав. – Все фигуры – зверушки, кроме Деда Мороза со Снегурочкой, конечно. А тут – Русалочка, существо мифическое.

– Ну и что? – не понял Крячко. – Вот, возле нас еще Щелкунчик стоит. Он тоже не вписывается в тематику.

Гуров и Варезкин воззрились на снежного Щелкунчика, который стоял неподалеку от них, а потом Антон по своей привычке пожал плечами и ответил:

– Предыдущий год годом Крысы был. Может, поэтому и поставили Щелкунчика. Ведь в сказке именно он прогоняет королеву крыс Мышильду. Так что вполне даже к месту этот Щелкунчик. Ну что, будем со свидетелями разговаривать? – сменив тему, спросил оперативник. – Этот Тельников, который вызвал полицию, вон в том доме живет. – Антон указал на двенадцатипятиэтажку неподалеку от площади.

– Будем, – задумчиво глядя на Щелкунчика, подтвердил Гуров.

В квартире, где проживал свидетель Тельников, им долго никто не открывал. Только после четвертого настойчивого звонка за дверь раздалось хриплое:

– Кого там принесло?

– Уголовный розыск, – строгим казенным голосом ответил Варезкин. – По поводу вчерашнего происшествия. Открывайте, Алексей Валерианович, нужно поговорить.

– Сейчас открою, оденусь только, – ответили из-за двери, и снова наступила тишина.

Открыли оперативникам только минут через пять, когда терпение Варезкина уже начало иссякать.

– Входите уже. Только беспорядок у нас. Но вы внимания не обращайтесь. Праздники ведь. – Дверь на этот раз отворила женщина. Заспанная, в мятом халатике, с волосами, торчащими из наспех зачесанной под ободок прически.

В квартире пахло перегаром, дешевым табаком, кислой капустой и чем-то пригоревшим. По комнате, в которую вошли оперативники, гулял ветерок, но форточки, по всей видимости, открыли только что, и поэтому свежий воздух еще не успел выветрить все запахи вчерашней попойки.

– А хозяин-то где? – оглядываясь, спросил Лев Иванович.

– Умывается, – коротко бросила хозяйка и быстренько прибрала с дивана валявшийся на нем какой-то предмет женского гардероба. – Садитесь, – пригласила она, – сейчас выйдет.

Крячко и Варезкин с опаской сели на старенький диван, а Лев Иванович остался стоять. Он с интересом рассматривал убогую обстановку гостиной и думал: насколько же все-таки такие квартиры пьющих людей похожи одна на другую! Тот же старый, потертый и засаленный диван, стол, застланный полинялой скатертью и заставленный остатками еды и бутылками, небольшая стенка еще советских времен, но со слоем пыли времен нынешних, и новенький, блестящий плоским черным экраном, купленный в кредит телевизор...

– Вот, я готов, – раздался бодрый, но все еще хриплый с перепоя голос хозяина, и сам он появился во всей своей красе. Чисто умытый, но небритый, чисто одетый, но в невыглаженной

рубаше и трениках, вытянутых на коленях. Приглаживая мокрые реденькие волосы, Тельников цыкнул на стоящую в дверях хозяйку: – Чего встала-то? Иди, чайник гостям поставь.

– Да мы вообще-то не в гости, Алексей Валерианович, – серьезно глядя на мужчину, сказал Гуров. – Мы по делу. А поэтому пусть ваша хозяйка не суетится. Не нужно чайник, – обратился он к женщине. – Мы пару вопросов зададим и уйдем.

– Так и ладно, – отчего-то смутился Тельников. – Задавайте, отвечу, что знаю. Только ведь я ничего и не знаю. Меня сын на улицу позвал, это он с друзьями эту, это... в общем, тело нашел. А кто там был-то? – он посмотрел на Варежкина, и глазки его блеснули каким-то нездоровым интересом.

– Девушка там была, молоденькая, – ответил за Варежкина Крячко и спросил: – А сын у вас где?

– Так он у дружка своего, у Илюхи Матвеева. Илюха это... эту и нашел. Вернее, руку.

– Угу, – задумчиво произнес Лев Иванович. – А Илюха этот – он далеко живет?

– Так вот, на третьем этаже у нас в подъезде и живет, – ответил Тельников. – Если надо, то мы его живо позовем, сына-то. Да, мать?

Женщина кивнула и выжидательно посмотрела на Гурова. Лев Иванович, в свою очередь, посмотрел на Крячко и Варежкина. Те тоже дружно кивнули, и полковник дал добро на доставку мальчика в квартиру.

Женщина вернулась минут через пять. За ней с любопытством, отражавшимся на разрумяненных лицах, шли два подростка лет двенадцати-тринадцати. Гурову даже на мгновение показалось, что они братья-близнецы – так мальчишки были похожи. Оба светленькие, круглолицые, сероглазые, одного роста. Вот только форма носа и губ у мальчиков была различной и на коже лица одного из них явственно пробивались конопушки, рассыпанные по переносице и щекам.

– Вот, – торжественно указал на мальчиков Тельников, – это сын мой Георгий и друг его – Илья Матвеев. Че встали как пни? – обратился он к нерешительно топтавшимся на пороге пацанам. – Поздоровайтесь.

Мальчишки робко протянули руки и по-мужски, с рукопожатием, поздоровались со всеми тремя оперативниками.

– Ну и кто из вас первый обнаружил, что русалочка с «секретом»? – улыбнувшись только одними глазами, спросил Лев Иванович. Ему понравились эти серьезные на вид ребята.

– Я, – с вызовом в голосе ответил один из мальчиков.

– Тебя Ильей зовут? – уточнил Гуров, и мальчишка кивнул. – Вот и расскажи, Илья, как все произошло. Вы часто на площади играете?

– Так они постоянно на улице. Все каникулы. А чего им дома-то сидеть? – встрял Тельников, но Варежкин посмотрел на него так, что тот быстро умолк и, смущенно крякнув, отвернулся.

– Да, – подтвердил слова Тельникова Илья. – Как городок построили перед Новым годом, так мы там постоянно и гуляем. Во дворе скучно, а там и крепость есть, и горка. Так что как на улицу выходим, так на площадь и идем.

– Мы даже видели, как этот городок и елку собирают, – вставил свое слово Георгий. Илья, согласный с другом, кивнул.

– Так. Теперь расскажите о том, что случилось вчера, – снова попросил Лев Иванович.

Илья почесал голову и, немного подумав, ответил:

– Мы, как обычно, вышли на улицу часов в шесть вечера и на горке сначала катались. Но все таяло, и ледянки все время в лужу, которая под горкой натаяла, въезжали. Нам и надоело. Начали в догонялки играть. А потом... – паренек замялся.

– Говори как есть, мы не кусаемся, – усмехнувшись, подбодрил мальчика Варежкин.

– Баловаться начали, – нехотя признался паренек. – Забирались на снежные фигуры и прыгали с них, потом я палку подобрал и как саблей стал ею махать и... делал вид, что сражаюсь с врагами.

– Мы сначала между собой сражение устроили на палках, – подсказал Георгий. – А потом стали просто бегать и по ледяным фигурам лупить.

– Долупился, оболтус, – хмуро посмотрел на сына Тельников. – Тебя самого давно не лупили, видать, – погрозил он мальчику, и тот обиженно поджал губы.

– Бить детей непедагогично, нам Тамара Семеновна говорила, – заступился за друга Илья, искоса глянув на реакцию отца Георгия, а потом на Гурова, как бы спрашивая у него поддержки в таком важном для детей вопросе. Лев Иванович одобрительно улыбнулся, и Илья уже смелее продолжил свой рассказ: – Я не думал, что она возьмет и разобьется – рука-то! Просто стукнул по ней. А она возьми и отвались. Не вся, а снег только. А под снегом что-то такое светлое оказалось. Я думал сначала, что это палка, может, на которую снег накладывали, чтобы придать фигуре позу нужную. Ну и подошел поближе посмотреть. А там не палка была вовсе, а рука. Я думал, что манекен. Но потом пригляделся и увидел, что настоящая это рука, только ледяная.

– Испугался? – спросил Илью Варежкин и сочувственно посмотрел на мальчика.

– Не-а. Просто удивился сначала. А потом – да, испугался немного и ребят – Гошку с Виталиком – позвал, чтобы посмотрели.

– Ага, не испугался! – Георгий с усмешкой посмотрел на друга, а потом, обращаясь к оперативникам, добавил: – Он когда нас позвал, то сам белый, как Снегурочка, был, одни конопухи на носу желтели, – хмыкнул паренек. – Че говоришь, что не испугался? Испугался же!

– Я и говорю, что испугался, потом уже, когда понял, что рука настоящая, – насунился Илья. – А сам-то ты, что ли, не струхнул?

– Я-то нет, – приосанился Георгий. – Это Виталик сразу домой засобирился.

– Ну хорошо, – перебил их перепалку Гуров, едва сдерживаясь, чтобы не улыбнуться. – Налюбовались рукой, и что дальше?

– Так вот, я бате позвонил, – посмотрел на отца Георгий. – У Ильи мать не разрешает телефон на улицу брать, он у него дорогой – айфон, – с завистью в голосе сказал Георгий. – А у меня – простой. Я всегда его с собой беру. Вот и позвонил.

– Я сразу-то им не поверил. – Тельников, который все это время стоял и нетерпеливо топтался у окна, подошел поближе. – Но голос у Георгия был слишком уж возбужденный для шуточек. Да у меня и не пошутишь шибко-то! – Он многозначительно посмотрел на сына, и тот с готовностью кивнул, подтверждая отцовские слова. – Надел куртку, вышел и убедился, что такое вот дело, а потом в полицию позвонил. Пацанов оставил на улице караулить, чтобы никто не подходил к этой Русалочке близко, а сам побежал, чтобы потеплее одеться. Так полиция быстро приехала. И полчаса не прошло, – добавил он, с уважением посмотрев на Варежкина.

– И все? – спросил Гуров.

– Ну да, и все, – ответил Тельников.

– Никто, пока вы там стояли, к вам не подходил и ни о чем не спрашивал?

– Не, никто не подходил, – помотал головой свидетель. – Так и народу-то не было никого. Пара ребятшек на горке кувыркалась и мои вот, – он кивнул на мальчишек, – рядом стояли.

– Ребята, а вы, когда гуляли, никого поблизости подозрительного не видели? Может, наблюдал кто-то со стороны?

– Нет, никого не было, если вы имеете в виду чужих. Все только свои были, – ответил за двоих Георгий. – Мы же тут всех знаем или в лицо, или даже по имени. Не, чужих никого не видели.

– Так центральная же площадь в городе! Даже если и был кто не с соседних дворов, то кто ж его разберет, гуляет человек или специально наблюдает, – решила вставить свое слово хозяйка.

– Тоже правильно, – задумчиво кивнул Лев Иванович и сказал: – Ну что же, спасибо за информацию. Больше пока вопросов у нас нет. У вас тоже нет? – Он посмотрел на Крячко и Варезкина.

– Пока нет, – ответил Крячко.

Они стали прощаться с хозяевами и снова пожали мальчикам руки. Те с серьезным видом посмотрели на оперативников, а потом переглянулись, и Гоша, решившись, спросил:

– А кто там был, в снегу-то? Женщина какая-то? Ее чего, убили?

– Много будешь знать, – щелкнул сына по носу Тельников, – быстро поседеешь.

Глава 4

– Мне тут от начальника эсэмэска пришла, пока мы беседовали, – заявил Варежкин, когда оперативники вышли из квартиры Тельникова и спустились на улицу. – Он ждет нас в кабинете. Говорит, что есть новости от криминалистов и отчет от судмедэксперта принесли. Он хотел бы, чтобы мы посмотрели все материалы, прежде чем с мэром разговаривать.

– Ну, тогда поехали в управление, – согласился Станислав Крячко. – Все равно до двух часов еще куча времени.

– Тем более что мы утром не посмотрели фотографии и вообще, конечно же, информации мало пока, – добавил Гуров.

– Это мое упущение, мне нужно было сразу вам все фотографии показать, – смутился Варежкин.

– Вот сейчас и покажешь, – ободряюще похлопал его по спине Лев Иванович и сел в машину.

В кабинете у Петровского было душно и накурено. Начальник был заядлым курильщиком, а потому разрешал у себя в кабинете курить всем, кто пожелает. А таких набралось три человека.

– Вы бы хоть форточку открыли, Аркадий Сергеевич, – нахмурился Гуров. – А то в кабинете, как в поговорке, хоть топор вешай.

– Ладно, ладно, – миролюбиво ответил Петровский, встал, сам открыл окно и скомандовал подчиненным: – Кончай, ребята, с перекуром, работать будем. Давай, Рекунов, докладывай, что у тебя есть по уликам.

– Улик немного, и не все они существенные. Пока несущественные, – поправился Рекунов, – если к ним не будет дополнительной информации. – Лаборант открыл папочку с документами. – Перво-наперво мы взяли образцы снега с места происшествия. Вернее, образцы воды от растаявшего снега. И выяснили, что его для скульптуры брали не в черте города. То есть следов загрязнения, присущих снегу в городской черте, там нет. Снежок чист и свеж. Но есть в нем компоненты растительного происхождения. Хвоинки и небольшие частицы сухих листьев говорят, что снег брали где-то за городом, в смешанной лесополосе. И, кстати, по всей видимости, где-то неподалеку или костер жгли, или печь топили. Потому что в снеге было немного сажи.

– Может, загородный коттедж топили или возле какой-нибудь деревеньки снег набирали? – предположил Петровский.

– Может и такое быть, – согласился эксперт. – Но вот где конкретно – это определить пока нет возможности. Если только нам фирма, которая городок устанавливала, что-то не подскажет.

– Да, надо обязательно узнать у мэра, кто осуществлял заказ на изготовление городка, и поговорить с ответственными за это лицами, – сделал пометку в блокноте Гуров. – Может, через них попробуем выйти на место убийства. Хотя, я думаю, убили девушку в каком-то одном месте, а потом уже вывезли ее и все остальное проделали за городом.

– Да, убили девчонку, скорее всего, в машине, – согласился эксперт. – На ее одежде и в волосах были найдены волокна ткани, которая применяется для пошива чехлов в авто. Скорее всего, это машина марки «Ленд Крузер». Еще на девушке, а вернее в ее ноздрях, был найден образец козьего пуха. Скорее всего, от свитера. Не скажу, какой вязки. Это может быть и ручная работа, и машинная вязка. Информации мало. Наверное, ее лицом прижимали к одежде. Вернее сказать, такая одежда была на убийце. Девушка и вдохнула в себя пушинку. И с ее платья сняли несколько волосков собачьей шерсти. Судя по окрасу и структуре – с дальнево-

сточной овчарки. И последнее – пепел от женских сигарет марки Kiss. По всей видимости, девушка курила.

– Курила, – подтвердил Петровский, держа в руках какую-то бумагу и заглядывая в нее, – но нечасто. Это у меня полный отчет от патологоанатома, – пояснил он Гурову и Крячко, передавая им бумаги.

– Между указательным и средним пальцами девушки найдена частичка прилипшей табачной крошки, что говорит о том, что она курила незадолго до смерти. Вернее, хотела закурить, – поправился Рекунов. – Насколько я помню отчет медэксперта – легкие у нее были чистые. В принципе, у меня все.

– Получается, что девушка вышла выгулять собаку, ее похитили, закинули в машину и убили там же, – высказал свое предположение Варежкин и вопросительно посмотрел на Гурова и Крячко.

– Вполне возможно, – согласился Гуров. – Я так понял, что она в момент похищения была во Владимире. Заявление поступило от... – он вопросительно посмотрел на Варежкина.

– От некоего Пантелеева Захара Дмитриевича, 29 лет, – пояснил Варежкин. – Он подал его в час ночи, первого января. То есть практически сразу после исчезновения девушки. Потом точно такое же заявление подал и отец девушки, который приехал во Владимир из Москвы уже под утро. Других подробностей мы пока не знаем. Словом, нужно ехать во Владимир.

– Да, и чем скорее, тем лучше, – согласился Лев Иванович и посмотрел на Крячко. – Кто из нас остается, а кто едет?

– Я поеду, а ты тут дальше разруливай, – ответил Станислав. – Машину, правда, твою заберу, так что...

– Так понятное дело, не на автобусе же тебе ехать, – махнул рукой Лев Иванович. – Антон, ты все нужные данные перепиши для Станислава Васильевича. Прямо сейчас. И давай фотографии нам.

– Вот, – Варежкин достал из папки несколько фотографий и передал Гурову и Крячко. Те стали внимательно их рассматривать.

– Мы можем идти? – спросил у Петровского Рекунов.

– Идите, если больше нечего сказать. Отчеты оставьте. Завтра с утра – на планерку. Все, праздники кончились, – сурово заметил начальник.

– Как будто они у нас были, – ухмыльнулся один из молодых экспертов, вставая из-за стола и направляясь к выходу.

– А ты не умничай, Мельников, а то ведь если тебе праздники нужны, так иди в учителя химии, а не в эксперты, – парировал Петровский.

Варежкин тем временем что-то быстро переписывал из своего блокнота на лист бумаги, который выпросил у начальника, а потом протянул написанное Крячко.

– Вот, тут номер телефона, по которому нужную о девушке информацию собирают, и данные Пантелеева. Больше у меня ничего нет. Нужно на месте все добывать. Они, – он постучал пальцем по номеру телефона, – мне по телефону информацию не стали давать. Говорят, если что-то важное, то приезжайте.

– Вот и приедем. Вы мне копию вот этой фотографии сделайте. – Крячко протянул Петровскому фото девушки. – Можно даже две. И вот эту тоже, где она крупным планом. – Он выбрал и отдал еще одно фото.

Петровский запустил ксерокс и через пару минут отдал Станиславу готовые копии. Все встали. Гуров посмотрел на часы, что висели на стене у Петровского за спиной.

– Ого, уже половина второго. Пора к мэрии выдвигаться. – Лев Иванович посмотрел на Варежкина. – Антон, отвезешь?

– Куда он денется? – Петровский тоже встал. – Он теперь как привязанный будет с тобой, Лев Иванович, ходить. Так что можешь распоряжаться им как самим собой.

– Не против? – Гуров с улыбкой посмотрел на Антона.

– Нет, – пожал тот плечами. – Я несемейный, а со своей девушкой накануне Нового года поссорился. Так что лучше уж на работе, чем одному в четырех стенах.

– Тогда пойдем проводим Станислава Васильевича и сами поедем на встречу с мэром. Надо до четырех успеть. Потом ведь еще в морг, на встречу с Ащеуловым. Я правильно понял?

– Да, я на четыре договаривался, – подтвердил Варежкин.

Крячко распрощался с Петровским, и оперативники вышли из кабинета.

– Антон, – крикнул им вслед начальник суздальского угро, – меня сегодня больше не будет. Но утром обязательно ко мне с отчетом. Понял?

– Понял, понял, – отозвался Варежкин и улыбнулся Гурову, подмигнув. – Хороший у нас начальник.

Гуров с Крячко подошли к машине Льва Ивановича, а Варежкин пошел заводить служебную машину.

– Ты меня в курсе держи. – Станислав посмотрел на Гурова. – Где ночевать-то собираешься?

– Не думал еще на эту тему. Но наверняка тут есть какая-то гостиница, – ответил другу Лев Иванович. – А ты сам-то как? Деньги есть?

– Есть, – кивнул Крячко. – Я, наверное, у Натальиной родственницы во Владимире заночую. Тетка у нее там двоюродная живет. Телефон ее я узнал у жены на всякий случай. Ну а там как уж дело повернется.

– Если девушку во Владимире украли, то нам с тобой придется оттуда и начинать поиск. Так что если в Суздале ничего нового не обнаружится, то доберусь на автобусе до Владимира или попрошу Петровского, чтобы отвезли. Тут недалеко, полчаса езды, если не меньше. Может, я сегодня еще и приеду к тебе.

– Ладно, поехал я. Не будем загадывать. Сам знаешь, иногда в расследовании такие повороты случаются, что мы с тобой как в сказке – пойдем туда, не зная куда.

– Ага, – усмехнулся Лев Иванович, – и найдем то, не знаю что. Русалочку уже нашли, а что там дальше на неведомых дорожках нас ждет – никому не известно. Ты тоже меня в курсе держи.

– А то!

Крячко сел за руль и завел машину, а Гуров отправился к ждавшему его неподалеку Варежкину.

– Ну что, к мэру на прием? – бодро спросил он Антона. – Что у вас за мэр? Ну-ка расскажи мне о нем, пока едем.

– Хороший у нас мэр, – привычно пожал плечами Варежкин. – Адекватный. Все проблемы всегда старается решить оперативно. В общем, мэр как мэр, чего о нем рассказывать.

– Это хорошо, когда мэр адекватный, – рассмеялся Гуров. – Значит, на все наши вопросы у него будут адекватные ответы.

Мэр и вправду оказался мужчиной радушным и, внимательно выслушав первый вопрос столичного полковника, ответил:

– Заказ на городок выполняла частная фирма. Называется «Данило-мастер». Уж не знаю, что они имели в виду под названием. Может, сказку Бажова, а может, имя владельца фирмы – его зовут Даниил Ларионов. Мужчина ответственный. Мы с ним уже не первый год работаем. Всегда все к сроку выполнял. И мастера у него уже не один год одни и те же. Кого попало он к себе на работу не берет. Проектов у него много разных. Вот, каталог у меня даже есть. – Мэр протянул Гурову яркую книжечку. – В интернете отзывы об их работе только хорошие.

– Не знаете, а этот мастер Данило только в вашем городе такие заказы выполняет или к нему другие могут обратиться?

– Так я же и говорю, у них в интернете свой сайт. Они и от частных лиц заказы принимают, и от фирм разных, и от муниципалитета. Цены тоже разные. Есть и повыше, а есть и недорогие проекты. Я знаю, что у нас даже парочка детских садов их услугами пользуется.

Лев Иванович пролистал красочный каталог и спросил мэра:

– Мы можем его у себя оставить или он у вас в единственном экземпляре?

– Нет-нет, у меня еще есть, – поспешил ответить мэр. – Оставляйте, конечно.

Лев Иванович передал каталог Варезкину и задал новый вопрос:

– Расскажите, как вы вообще договариваетесь на создание такого вот городка. Мне неинтересно оформление бумаг, а вот сама работа... Наверно, все зависит от бюджета, который будет вложен в проект? И как подбираются фигуры в городок? Подробней, пожалуйста.

– Сначала я смотрю каталог и цены, – с расстановкой, не торопясь, чтобы ничего не упустить, стал объяснять мэр. – Потом звоню Даниилу Евгеньевичу, и мы с ним встречаемся лично. Чаще всего он ко мне сам приезжает. Но бывает и наоборот – я еду к нему, чтобы самому посмотреть, что и как. Иногда он мне предлагает что-нибудь новое, интересную идею подкидывает.

– Фигуры они делают и снежные, и изо льда. Я правильно понял?

– Да-да, – покивал мэр. – Вот, например, Дед Мороз со Снегурочкой у нас всегда большие – из снега вылепленные. Или вырезанные, если хотите. А вот по поводу остальных фигур мы с Ларионовым все отдельно обговариваем.

– А в этом году вы как с ним договаривались? На какой-то определенный проект или каждая фигурка в отдельности?

– В этом году Даниил Евгеньевич предложил проект. Если вы видели, то в городке у нас в основном лесные зверушки представлены. Ну, кроме традиционного оленя с санями и быка – он как символ наступающего года сразу в проект был заложен.

– Возле елки у вас стоят, вернее стояли, две фигуры – Щелкунчика и Русалочки. Снежные фигуры. Они тоже в проект входили?

Мэр на минуту задумался, по-видимому вспоминая, о чем идет речь, а потом ответил:

– Нет, они не входили в проект. Это точно. Но возможно, что Ларионов сам проявил инициативу и поставил их в нашем городке. Знаете, пару раз так уже было. Мы заказывали конкретные фигуры и оплачивали, а потом Даниил Евгеньевич подвозил еще что-то и устанавливал уже по своей инициативе. Как он говорил – в подарок городу. Но на самом деле он просто ставил, так сказать, бесхозные фигуры. Знаете, бывает, что кто-нибудь закажет всего слишком много, а потом денег у людей не хватает. Вот и остаются какие-то снежные произведения, так сказать, невостребованными. Куда их девать? Привозят на площадь.

– Вот как, – задумчиво сказал Лев Иванович и вопросительно посмотрел на Варезкина. Тот понимающе кивнул и спросил мэра:

– Но вы точно не знаете, Ларионов эти фигуры привез и установил на площади или это все же не он? И второй вопрос: когда были установлены фигуры?

– Нет, не знаю. Он лично мне не звонил и ничего не говорил. Вы меня извините, но я могу узнать, почему в полиции интересуются снежным городком? Мне позвонили и сказали, что приехали из Москвы следователи... Что-то не так? Я бумаги могу показать. Все законно оформлено.

– Наверное, вы что-то не так поняли. – Гуров нахмурился и стал объяснять: – Звонили вам из уголовного отдела МВД. И да, я из Москвы, но не следователь, а оперуполномоченный. Понимаете, мы сейчас расследуем убийство. Убитая – молоденькая девушка – вчера вечером была найдена в одной из снежных фигур вашего сказочного новогоднего городка. Вот такие дела. Поэтому мы и обратились к вам за разъяснениями. Нам нужно понять, откуда взялась в центре городской площади снежная Русалочка. В которой и был спрятан труп убитой.

Мэр слегка побледнел, но тут же взял себя в руки и, чуть поджав губы, спросил:

– Вы думаете, что это... эту Русалочку привезли от Ларионова? Думаете, что это Даниил Евгеньевич... Мы столько лет вместе работаем, столько времени знакомы...

– Вы не волнуйтесь, – успокоил мэра Гуров. – Вполне возможно, что этот ваш Ларионов ничего не знал о содержимом снежной Русалочки. Может даже, он вообще непричастен к изготовлению этой фигуры. Мы это выясним.

– Мне бы хотелось быть в курсе. – Мэр налил стакан воды и залпом выпил. – Это возможно? Сами понимаете – такой скандал. На площади же детей всегда куча...

– М-да, детей много. – Гуров решил не говорить мэру, что обнаружил тело как раз таки двенадцатилетний мальчишка. – Хорошо. Мы будем держать вас в курсе. Во всяком случае, вы всегда можете позвонить вот по этому телефону. – Лев Иванович протянул ему визитку Варежкина, которую тот предусмотрительно передал через полковника. – Капитан всегда ответит на все интересующие вас вопросы.

– Да, конечно же. Спасибо.

Мэр взял визитку, растерянно повертел ее в руках и положил на стол.

Гуров с Антоном собрались уже уходить и распрощались с мэром, но вдруг Лев Иванович вспомнил, что хотел еще кое-что узнать, и, повернувшись, спросил:

– Скажите, а куда обычно потом вывозят все эти фигуры и вообще как утилизируется снежный городок? Не до весны же он стоит.

– Нет, конечно же! Его вывозят в специальное место за город. Там есть снегоплавильный пункт, в котором снег из всего города, в том числе и из снежного городка, плавят, а воду очищают и используют для технических нужд. Услуга вывоза платная и входит в бюджетные городские расходы, – пояснил мэр.

Глава 5

– Ну и какие мысли насчет того, как Русалочка появилась на городской площади? – спросил Гуров Антона, когда они вышли из мэрии.

– Не думаю, что она приехала из конторы Ларионова, – сразу же ответил Варежкин. – Если только... – Он на несколько секунд задумался, а потом продолжил: – Если только Ларионова кто-то намеренно не захотел подставить из его же работников. Но все равно очень рискованно. Нужно быть совсем уж балбесом, чтобы не догадаться, что полиция начнет шерстить прежде всего работников фирмы или конкурентов Ларионова и неминуемо выйдет на того, кто Русалочку сделал. Мне кажется, что тут без вариантов – Русалочку лепили точно не в Суздале. Возможно, во Владимире или в окрестностях. Девушку ведь во Владимире похитили, не так ли?

– С доводами согласен, – кивнул Гуров. – Но вот исключать версию, что суздальские похитили девушку во Владимире, а потом привезли ее сюда, тоже не стоит.

– Но зачем? – удивился Варежкин. – Не вижу смысла в таких передвижениях. Я бы, наоборот, на месте убийц скинул труп в другом городе.

– Они в другом городе и скинули, – усмехнулся Гуров. – Убивали-то не в Суздале. Хотя... – Лев Иванович задумался. – Знать бы мотив убийства, можно было бы проще строить предположения и выдвигать версии. А так... Можно пока что только пальцем в небо тыкать.

– У меня есть пара версий, почему ее убили, – сказал Варежкин.

Они с Гуровым стояли на стоянке возле машины. Лев Иванович посмотрел на часы и сказал одобрительно:

– Тогда выкладывай свои версии. До встречи с Ащеуловым у нас время еще есть.

– Давайте вон в то кафе зайдём и что-нибудь перекусим, – предложил капитан. – Потом свободного времени может и не быть. А я, пока едим, свои мысли вам выскажу.

– Полезное с приятным, значит, предлагаешь совместить? – хитро посмотрел на Варежкина Лев Иванович и, хлопнув его по плечу, одобрил предложение: – Правильно мыслишь, пойдем совмещать.

– Так вот, – продолжил Антон после того, как сыщики заказали еду. – Первая версия – девушку мог убить сам Пантелеев Захар. Думается мне, что он не родственник этим Ащеуловым, а парень этой девушки.

– Почему ты так решил? – с интересом посмотрел на Варежкина Лев Иванович. – Ей девятнадцать, а ему... тридцать пять?

– Двадцать девять, – кивнул Антон.

– Разница большая.

– Большая, – согласился опер. – В этом возрасте мужики обычно уже женаты...

– Кто бы говорил, – рассмеялся Гуров.

– Ну, у меня работа такая, что не всякая девушка за меня пойдет замуж, – смутился Варежкин.

– Ты же не знаешь, кем работает этот Пантелеев, – привел весомый довод Гуров. – Ну да ладно, предположим, он, этот Захар Пантелеев, был парнем Ащеуловой и убил ее. А потом позвонил ее отцу в Москву и побежал в полицию заявление писать, чтобы скрыть преступление. Такое, конечно, вполне может быть. Но какой же мотив?

– Да какой угодно! Ревность, например.

– Нет, Антон, эта версия – совсем даже не версия, – не согласился с Варежкиным Лев Иванович. – И даже не предположение. Пока нет каких-то конкретных данных по поводу того, кто кому и кем приходится в этой истории, выдвигать что-то рановато. Ну а какая вторая версия?

– Девушку мог похитить и убить ее бывший парень, которого она отвергла, – нерешительно покосился на полковника Антон.

– Мог, вполне даже мог, – согласился Гуров. – Но тогда он должен был взять кого-то еще к себе в подельники. Ты ведь должен помнить, что убивали девушку как минимум двое. Один держал руки, второй душил. Интересно, какой поклонник, даже бывший, рискнет взять на такое рискованное дело кого-нибудь из друзей? Такие дела, как убийство из ревности, либо совершаются один на один и тайно, либо заказываются кому-то из криминала.

– Так, может, ее и заказали? – с надеждой в голосе спросил Антон. – Нашли исполнителей, те выследили, похитили и убили...

– Ты детективами, случайно, в свободное время не увлекаешься? – сдерживая улыбку, поинтересовался Лев Иванович. – Ну вот смотри. Девочке всего девятнадцать. Если ее бывший поклонник из молодых, то где он возьмет столько денег, чтобы оплатить ее убийство? А денег тут понадобится немало. Притом не всякий уголовник, даже со стажем, за мокрое дело возьмется. Это во-первых. А во-вторых, где этот молодой будет искать профессионала? В интернете?

Гуров помолчал, перевел дух и продолжил:

– Теперь предположим такую ситуацию. Девчонку убил какой-нибудь «папик». Или кого-то нанял для этого дела. Допустим, девчонка захотела от него уйти, и он оскорбился. Или он сам захотел ее бросить по какой-то неведомой нам с тобой причине. Но какой же смысл ее убивать? Хоть самому, хоть с помощью кого-то другого? Да еще и большие деньги за это платить? У него при его деньгах таких пигалиц еще штук десять будет. Одной больше, одной меньше... Нет, эта версия тоже плывет. Еще есть предположения?

– Есть, – кивнул Антон. – Мечь богатому папе. Допустим, он с кем-то в бизнесе не поделился, или много хапнул, или что-то еще. Девушку украли, чтобы наказать папу. Ведь даже изнасилования не было. Значит, мечь.

– Вот это-то и странно, – задумчиво ответил Гуров. – Если папа Ащеулов кому-то задолжал или кого-то из авторитетов или сильных мира сего обидел, то, чтобы добиться от него желанного подчинения или возврата долга, девушку бы не стали убивать. Изнасиловать – могли бы. Глазки завязали бы, чтобы при случае не узнала и полиция не указала, и вернули бы папе. Могли бы живую и здоровую придержать, спрятать где-нибудь и свои условия папе ставить. Но убить и замуровать в снежную статую... При этом Ащеулов не получал никаких посланий и уведомлений типа «отгадай, где спрятана».

– А вот этого мы тоже еще не знаем – получал или не получал, – торжественно произнес Варезкин.

– Тоже правильно, – согласился Лев Иванович. – Но все-таки эта версия лучше, чем с любовниками. Как-то конкретнее такая версия, реальней.

– Согласен, – кивнул Варезкин и посмотрел на телефоне, сколько времени. – Ох, поедемте, Лев Иванович, а то опоздаем на встречу, – заторопился он.

В коридоре городского морга было прохладно, как и положено в таком специфическом заведении. Трубы отопления проходили прямо вдоль плинтуса и были такие горячие, что от них даже шел какой-то пар, но длинное узкое помещение коридора они отчего-то не согревали. Варезкин, предварительно созвонившийся с анатомом Ольгой Александровной, шел по коридору уверенно, зная точно, куда нужно идти. По всей видимости, ему не раз приходилось тут бывать.

Возле одной из дверей стояли стулья, но человек в дорогом сером пальто и ярком красном шарфе, который явно ждал кого-то (Гуров подозревал, что именно их с Варезкиным), даже не присел. Льву Ивановичу еще издалека было заметно, как человек в шарфе нервничает – ходит по коридору туда и обратно, то заложив руки за спину, то теребя лацкан расстегнутого пальто, – не зная, куда себя деть. При приближении оперативников он остановился и,

напряженно вглядываясь, застыл, словно в предчувствии, что это по его душу сейчас шагают по коридору двое мужчин.

– Валерий Борисович? – уточнил Гуров и первым протянул руку бледному, как мумия в бинтах, мужчине.

Тот молча кивнул и, нервно сглотнув ком в горле, пожал руку полковнику, а потом и Варежкину.

– Я сейчас узнаю, кто нас примет, и вернусь.

Антон прошел чуть дальше и, заглянув в одну из дверей, что-то спросил. Но Лев Иванович не расслышал, он смотрел на мужчину, которому сейчас предстояло опознать тело дочери, и думал, что никогда бы не хотел оказаться на его месте.

Ащеулов – высокий и статный мужчина лет сорока пяти или чуть старше, с темно-русыми, подстриженными по последней моде волосами и немного раскосыми, татарскими темно-кариыми глазами, понравился Гурову. Было в этом мужике что-то brutальное, настоящее, мужское. Он не походил на изнеженного деньгами буржуйчика, которых в последнее время развелось, по мнению Гурова, слишком уж много в Москве.

– Вы думаете, это она? – нерешительно спросил Гурова Ащеулов и достал из кармана чуть дрожащими пальцами пачку дорогих сигарет. Выудил из пачки одну, но потом, по-видимому, вспомнил, что курить в помещении морга нельзя, спрятал и сигарету, и пачку обратно.

Гуров хотел было в утешение ему сказать, что, возможно, это не его дочь лежит сейчас в холодной мертвецкой, а просто похожая на нее девушка, но не стал лгать ни Ащеулову, ни себе самому, и коротко ответил:

– Скорее всего.

Вернулся Варежкин с молодым интерном, сотрудником морга, который нес в руках какой-то пакет. Подойдя к Ащеулову и Гурову, парень поздоровался и, раскрыв пакет, достал из него что-то блестящее и зеленое.

– Скажите, у вашей дочери было такое платье?

Ответа не понадобилось – все было понятно и без слов. Ащеулов до синевы закусил нижнюю губу и дрожащими пальцами прикоснулся к материалу. Гуров видел, как мужчина с силой сжал зубы, но тихий и короткий то ли стон, то ли вздох все-таки нашел себе дорогу и вырвался из груди сдерживающего слезы отца. Глаза Ащеулова покраснели.

– Пойдемте, – интерн развернулся и пошел по коридору. Все последовали за ним. Возле дверей «холодной» Ащеулов остановился и, повернувшись к Гурову и Варежкину, спросил:

– Я могу войти один?

Лев Иванович и Варежкин переглянулись, но потом полковник все-таки ответил:

– Вообще-то кому-то из нас тоже положено быть. – Он посмотрел на часы и добавил: – Сейчас должен еще следователь подъехать. Он обязан составить протокол опознания... Хорошо, – после секундного колебания разрешил Лев Иванович, – заходите один. Но потом все равно придется заходить еще раз и уже при следователе проводить процедуру опознания официальным образом.

– Хорошо, спасибо. – Ащеулов кивнул и шагнул вслед за сотрудником морга в «мертвецкую» с таким видом, словно входил в ворота ада.

– Врагу бы такого не пожелал, – глухо произнес Варежкин и сглотнул комок в горле. – Каждый раз такое ощущение, что я лично толкаю человека в какую-то бездонную пропасть. Все понимаю, а вот с такими чувствами никак справиться не могу. Помимо моей воли они, эти чувства, во мне возникают, – вздохнул он.

– Да, приятного мало, – только и нашел что ответить Гуров.

Ащеулов вышел из комнаты еще блее прежнего, если это, конечно, возможно. Гуров попросил сотрудника принести стакан воды и протянул его мужчине. Но тот, сделав два глотка скорее из вежливости, отдал стакан обратно.

Следователя ждали еще минут десять. Лев Иванович не стал ничего спрашивать у отца девушки, давая тому время побыть наедине со своими мыслями и со своим горем.

Варежкин куда-то вышел, вернулся со стаканчиком кофе и протянул его Ащеулову, которого пробил нервный озноб. Тот поблагодарил и выпил его чуть ли не залпом, не обращая внимания на то, что напиток был горячим.

Когда официальное опознание было закончено и все вышли на свежий воздух, Ащеулов спросил у Гурова:

– Когда мне можно будет забрать тело?

– Заберете сразу после того, как ответите на все необходимые в таких случаях вопросы, – честно ответил Лев Иванович. – Вы на машине?

– Да, вот стоит, – кивнул он в сторону стоянки. – Я с шофером, так что не беспокойтесь, сам я за руль не сяду. Не в том сейчас состоянии.

– Это хорошо, – кивнул Лев Иванович. – Значит, сделаем так. Я сейчас дам своему помощнику задание, а потом мы вместе проедем в управление, я с вами переговорю под протокол, и только потом вам дадут разрешение забрать тело.

– Ладно, как скажете, – обреченно ответил Ащеулов.

– Антон, давай отойдем. – Лев Иванович потянул Варежкина за рукав. – Тебе такое задание – созвонись с Ларионовым, в каталоге есть его телефон. Кровь из носу встретиться с ним и узнай насчет снежной Русалочки. Кто, что и как. Не думаю, что это они привезли ее на площадь, но уточнить нужно. И узнай, может, Ларионов знает того, кто бы мог такую русалку вырезать. У каждого мастера, как мы знаем, свой почерк. Будь то скульптура из снега или из камня. Покажешь ему фото.

– Понял.

Варежкин повернулся было уже уходить, но Гурову внезапно пришла в голову еще одна мысль.

– Антон, постой. У тебя есть фотоаппарат?

– Нет. Если нужно, я на телефон снимаю. Там разрешение большое, фото хорошие получаются.

– Тогда вот что. Заедешь на площадь и снимешь на камеру еще и этого Щелкунчика. Узнай у Ларионова, их это произведение искусства или тоже левое.

– Все сделаю, – кивнул Варежкин и пошел к машине. – Вы в управлении будете? Мой кабинет сто третий, – оглянулся он.

– Вот там и будем, – Лев Иванович зашагал к внедорожнику, возле которого его ждали Ащеулов с шофером.

– Едем в управление, – кивнул Гуров поздоровавшемуся с ним водителю и назвал адрес управления МВД. Ащеулов сел рядом с водителем, а Гуров примостился на заднем пассажирском сиденье.

– Надолго мы? – спросил, не оборачиваясь, Валерий Борисович. – Не закроют в морге-то?

– Там круглосуточно. Тело вам выдадут вне расписания, по разрешению следователя, – ответил Гуров и подумал, что сегодня спать этому человеку не придется.

Глава 6

Дежурный в управлении, которого Петровский предупредил насчет Гурова, сразу же провел их с Ащеуловым в кабинет Варежкина.

– Вы уж извините, – развел руками Лев Иванович. – Я сам тут не хозяин, поэтому кофе или чай предложить не могу.

– А курить можно? – исподлобья глянул на сыщика Ащеулов.

– Даже не знаю, – виновато ответил Гуров. – А, курите, – махнул он рукой. – Потом проветрим, если что.

Ащеулов прошел к пальто, которое он повесил на старенькую вешалку, когда вошел, и достал пачку сигарет.

– Будете? – спросил он полковника, но тот отказался, сославшись, что бросил.

Заиграл телефон, и Валерий Борисович, болезненно поморщившись, достал его из кармана, взглядом спросив разрешения у Гурова, можно ли ему говорить по телефону, и ответил:

– Лиля, я пока не могу говорить. Я тебе позже перезвоню. Да, опоздание уже было. Да, это она. Все остальное – потом, – сдавленно и коротко бросил он в трубку и отключился, а потом, немного поразмыслив, и вовсе отключил телефон.

– Садитесь, где вам удобно, – кивнул Лев Иванович на стул, что стоял у стола. Ащеулов, взяв стул за спинку, перенес его к окну. Он открыл форточку, сел и закурил. Гуров заметил, что мужчина стал спокойней, но бледность еще не полностью сошла, его лицо осунулось и даже, как показалось Льву Ивановичу, немного постарело.

– Где ее нашли? – красными от невыплаканных слез глазами посмотрел Ащеулов на сыщика. – Я не понимаю, – добавил он, – она ведь уехала во Владимир. Почему тело оказалось в Суздале?

Лев Иванович молча вынул из папки, которую он прихватил с собой из машины Варежкина, несколько фотографий и протянул их Валерию Борисовичу. Он видел, как снова задрожали пальцы мужчины и губы, в которых была зажата сигарета. Послышался всхлип, и Ащеулов отвернулся к окну.

– Не понимаю, кому это понадобилось! – выдохнул он. – Она ведь совсем еще девочка. Ее не... Ее не изнасиловали? Как она умерла?

– Нет, сексуального насилия не было, – твердо и жестко ответил Гуров. Ему и самому было не по себе. Хотя опыт работы в уголовке был у него немалый, Лев Иванович никак не мог заставить себя привыкнуть ни к насилию, ни к людскому горю, к которому это насилие приводило. – Ее задушили. Предположительно, положив на лицо подушку. Задушили в машине.

– Но зачем? – Валерий Борисович вскочил со стула, но потом снова обессиленно опустился на него. – Как можно просто так взять и убить девочку? – непонимающе посмотрел он на Гурова, словно полковник мог четко и ясно дать ему ответ на этот вопрос.

Но Лев Иванович не знал ответа, зато у него самого было очень много вопросов к Ащеулову. И он собирался получить ответы на все свои вопросы. А иначе и быть не могло. Иначе он не сможет найти тех, кто убил девушку.

Лев Иванович не стал включать компьютер, он нашел на столе у Варежкина стопку бумаги и ручку. Приготовив все нужное, он принялся задавать Валерию Борисовичу сначала всякие формальные вопросы относительно его возраста, работы и места жительства, а потом спросил:

– А теперь расскажите мне все о Лене. В какой она семье росла – полной или неполной, где училась в последнее время, какой у нее был характер, с кем дружила, были ли у нее враги... В общем, все, что считаете нужным. Постарайтесь вспомнить и последний день, когда вы виделись с дочерью. Что она говорила, куда хотела ехать и с кем собиралась встретить Новый

год, в каком она была настроении в последние дни, и вообще все, какие вспомните, подробности.

Ащеулов молчал и только курил, затягиваясь так яростно и неистово, словно хотел, чтобы никотин, проникнув в его легкие, наконец-то сделал свое дело и убил его, как какую-нибудь старую и заезженную лошадь. Он собирался с силами, и когда заговорил, то в голосе его чувствовалась такая смертельно-леденящая усталость, что Лев Иванович невольно поежился.

– Лена всегда была, как это говорят, папиной дочкой. – Валерий Борисович смял недокурную сигарету и огляделся, не зная, куда ее выкинуть. Гуров показал ему на мусорную корзину, стоящую у стола. – Когда она родилась, мне было уже двадцать семь лет, и... я очень хотел и ждал ее рождения. Мама Лены была моложе меня на семь лет, и женился я на ней скорее по ее «залету», чем по большой любви. Но жили дружно. Ссорились редко, хотя это было скорее потому, что и виделись мы нечасто. Яна, моя первая жена, фотохудожница, очень талантливая, надо сказать, часто бывала в разъездах. За Леной в основном приглядывали няня и я, когда бывал дома. У меня тоже работа такая, что редко дома появлялся, и Леночка была для меня как ясно солнышко. Я ее маленькую с рук не спускал...

Гуров слушал, не перебивая. Он понимал, что мужчине нужно выговориться, нужно снять камень, который тяжелым грузом лежал у него на сердце. «Хотя, – думал полковник, – как же его выкинешь, этот камень, он теперь надолго, если не навсегда. Застрял в груди и будет шевелиться, причиняя боль всякий раз, когда взгляд отца будет останавливаться на фотографии дочери».

– С Яной мы развелись, когда Лене было четырнадцать. Разошлись без скандала. Как говорится, решили все мирным путем. Просто Яна встретила человека, которого полюбила и который мог дать ей больше в творческом плане, чем я. Познакомилась на одной из своих выставок с богатым итальянцем и уехала с ним жить в Милан. Лена все поняла, она вообще умная девочка... была, – выдохнул, словно вытолкнул Ащеулов слово, которое никак не хотело слетать у него с языка. – Поняла, но ехать с матерью в Италию отказалась. Осталась со мной. Она всегда почему-то была на моей стороне. Всегда, когда мы с Яной ссорились. А потом... – Ащеулов запнулся и прикрыл глаза. – Потом я встретил Лилю. И Лена опять не стала возражать. Они с Лилей подружились и стали близки, как сестры или как подруги, очень быстро нашли общий язык и общие интересы.

– Валерий Борисович, у вас, кроме Лены, есть еще дети? – спросил Лев Иванович, глядя, как Ащеулов достает из пачки новую сигарету.

– Да, у нас с Лилей есть сын Архип, ему два года. Лена... – Мужчина выдержал мучительную паузу, борясь с чувствами, стараясь не сорваться и не расплакаться в присутствии оперативника. – Лена была очень рада, когда он родился, и все твердила, что наконец-то она будет не одна. Оказывается, – Ащеулов посмотрел на Гурова и слегка улыбнулся своей мысли, – она все время переживала, что у нее нет ни сестры, ни брата. Лена – очень добрая девочка... – вздох, – была. Но и упрямая, вся в мать. Если что-то в голову пришло, то будет стоять на своем упорно и до конца. Подростком она была вообще очень своевольная. Только я и мог с ней как-то еще договариваться, а учителя так просто стонали от ее характера и поведения. Хотя училась Лена очень даже неплохо. Была твердой хорошисткой, без троек.

– А где она училась в последнее время? – Лев Иванович решил своим вопросом вернуть Ащеулова из воспоминаний к действительности.

– Она хотела стать юристом. – Ащеулов наконец-то раскурил сигарету, которую держал в руках, и затянулся. – Ее интересовали экономические преступления. Хотела стать прокурором и обвинителем именно в этой области права. Уж не знаю почему, – пожал он плечами.

– А фамилия и имя Пантелеев Захар вам что-то говорит?

– Это тот парень, к которому она поехала во Владимир, – нахмурился Ащеулов. – Я его не знал до того времени, пока он сам мне не позвонил и не сказал, что Лену похитили. Дочка

не хотела почему-то меня с ним знакомить. Хотя я и настаивал. Она сказала, что обязательно сделает это, но только после праздников.

– Вы не знаете, где она с ним познакомилась?

– Я так думаю, что в университете. – Ащеулов устало посмотрел на Льва Ивановича. – Она сильно изменилась именно в сентябре, когда поступила на юрфак. Стала скрытной, часто уходила из дома, не сказав, куда идет. В выходные дни, по воскресеньям в основном, возвращалась поздно. Она и раньше, бывало, отпрашивалась на разные тусовки и вечеринки со сверстниками. Всегда спрашивала у меня разрешения... Но только не тогда, когда стала встречаться с этим парнем.

– Она вам не называла даже его имени или фамилии?

– Нет, не называла. Знала, что я начну расследование и узнаю, что она встречается с мужчиной старше себя на десять лет.

– А это так принципиально для вас, на сколько лет парень, которого любила ваша дочь, старше ее?

– Не знаю, – Ащеулов задумался. – Понимаете, я даже не думал над этим вопросом. Для меня Лена всегда оставалась маленькой девочкой. Я и вообразить не мог, что она вдруг возьмет и полюбит кого-то сильнее, чем меня. Понимаю, звучит эгоистично, но...

– Возможно, именно поэтому она и скрывала от вас, что встречается с Захаром Пантелеевым, боялась вашего непонимания, неодобрения, опасалась вас расстроить, в конце концов?

– Может, и так. – Ащеулов устало и горестно вздохнул. – Иногда я бывал по отношению к ней настолько собственником, что не понимал, что маленькая девочка уже выросла и стала самостоятельной, независимой личностью.

– Значит, когда она уезжала во Владимир, вы не знали, куда и к кому конкретно она собирается, но все равно отпустили ее?

– Не знал, – кивнул Валерий Борисович. – И не хотел ее отпускать. Мы в первый раз тогда очень сильно поругались. Но Лена упрямая, я ведь говорил. И все равно сделала по-своему. Собрала сумку, хлопнула дверью и ушла. Я потом еще долго сердился, а Лиля меня успокаивала и говорила, что Лена уже большая девочка и может сама решать, с кем ей встречать Новый год. Кто же знал, что все так получится?!

– А Лена вам звонила из Владимира?

– Нет. Это я ей звонил. Она трубку не брала, но написала мне в ответ на мой звонок эсмэску. Я ее сохранил.

Ащеулов достал из кармана телефон, который он не так давно отключил, и, включив его снова, нашел сообщение.

– Вот, – он протянул телефон Гурову, и Лев Иванович причел: «Не сердись на меня. Все будет отлично. Я познакомлю вас после праздников, когда сама окончательно пойму свои чувства и если буду уверена на все сто в его чувствах ко мне».

– Она была не уверена, что этот мужчина ее любит? – не совсем понял послание Гуров.

– Скорее всего, она просто не хотела торопить события, – ответил Валерий Борисович. – Она всегда была перестраховщицей и не любила принимать быстрые решения. Ей нужна была ясность во всем.

– Расскажите мне о звонке Пантелеева. Что и как он вам сказал о Лене? – спросил Лев Иванович. – Как можно подробнее вспомните весь разговор, интонацию сообщавшего новость и его реакцию на событие. Вы ведь с ним потом виделись во Владимире?

– Да, конечно, виделись, – кивнул Ащеулов. – Нормальный парень оказался, видно, что сильно переживал... – Валерий Борисович провел рукой по лицу и попросил: – Можно воды?

Лев Иванович подошел к чайнику, что стоял на небольшом столике в углу кабинета, налил в кружку воды и протянул ее Ащеулову. Тот выпил с жадностью, словно его мучила жажда, и, вернув кружку, продолжил рассказывать:

– Звонок раздался в половине первого ночи. Мы с Лилей в этом году не пошли отмечать Новый год ни к друзьям, ни в ресторан. Лиля не захотела оставлять Архипа с няней. Жена вообще редко пользуется услугами Альбины Викторовны – женщины, которая была няней еще у Лены, – предпочитая заниматься сыном сама. Лиля совсем не похожа характером на Яну – она... Впрочем, это неважно. Так вот. Позвонил Захар мне в половине первого с телефона Лены. Я сначала обрадовался, думал, что дочка звонит, чтобы поздравить, но, услышав незнакомый мужской голос... Честно скажу, сразу почувствовал неладное и испугался. Сильно испугался. – Ащеулов немного помолчал, вспоминая звонок и свою реакцию на него. – Захар не стал юлить и сразу сказал, что я должен приехать сейчас же во Владимир, потому что Лену похитили. За два часа до Нового года она вышла в магазин и не вернулась. Телефон она с собой почему-то взять забыла. Ее стали искать сразу, как только хватились – через полчаса после ее ухода.

– А магазин этот далеко от дома?

– По словам Пантелеева, да я и сам потом убедился в правоте его слов, – в двух шагах. Он хотел пойти с ней, но она отказалась и взяла с собой его собаку, чтобы выгулять ее. Собаку нашли убитой, застреленной из пистолета.

– Вот даже как!

– Да, я видел пса, – покивал головой Ащеулов. – Восточноевропейская овчарка. По словам хозяина, Захара то есть, она была натаскана на охрану и задержание... – Ащеулов снова замолчал и устало потер ладонями лицо, словно отгоняя от себя призраки и убитой собаки, и мертвой дочери. – Позвонил мне Пантелеев уже после того, как написал заявление о похищении, но ему сказали, что заявление будут рассматривать только после того, как оно будет написано кем-нибудь из близких родственников похищенной девушки. Мне пришлось звонить и просить Дмитрича, чтобы он меня отвез. Это мой водитель, – пояснил Ащеулов, кивнув в сторону окна. – Дмитрич – это фамилия, а не отчество, – добавил он. – Водитель у меня – непьющий, он был трезв, поэтому мы выехали сразу и мчались так, что во Владимире были в два раза быстрее положенного на дорогу времени. Дороги были пустые, – словно бы виновато добавил он. – Праздник, сами понимаете...

– Какое впечатление на вас произвел Пантелеев? Он был один?

– Нет, у него в доме я застал целую компанию. Как я понял – его друзья. Я плохо помню всех, но было их, кажется, человек шесть или семь...

Глава 7

В то время как Лев Иванович снимал показания с Ащеулова, Станислав Крячко сидел на маленькой кухне Захара Пантелеева и слушал его версию того, что произошло в вечер исчезновения Елены Валерьевны Ащеуловой...

Узнав, что Лену нашли убитой и замурованной в снег, а вернее в статую Русалочки, Захар побледнел и, сжав кулаки, стал ходить по комнате, мечась словно волк в клетке, – кулаки стиснуты так, что пальцы побелели от напряжения, лицо осунувшееся, черты заострились еще больше, глаза сверкали болью и гневом одновременно. Казалось, все его существо, все его тело говорило: «Найду – убью гадов!»

Станислав, видя такое состояние парня, спросил:

– У тебя кофе или что-нибудь покрепче найдется? Выпей, глядишь, чуть полегчает.

– Пойдемте на кухню, – решительно кивнул Захар и твердым быстрым шагом прошагал из комнаты в маленькую кухоньку. Там он налил в пузатую рюмку водки, взглядом спросив Крячко, нужно ли и ему налить, но, увидев отказ в его глазах, настаивать не стал. Выпил залпом, не закусывая, даже не поморщившись, и пошел ставить чайник. Когда черный и обжигающе-горячий кофе был разлит по кружкам, Захар сел и без понуканий со стороны сыщика начал рассказывать:

– С Леной я познакомился, когда приехал подавать документы на заочный, на юрфак. Она тоже поступала, но только на очное обучение. Я в полиции работаю. С собакой своей работал, кинологом. А до этого контрактником был. Ахмата моего убили в тот вечер. – Парень сжал зубы, и Крячко видел, как заходили желваки у него на скулах. – Девять лет мы с Ахматом жили вдвоем, холостяками, и никого нам не нужно было. А когда я Лену в первый раз увидел, то сразу понял, что она и есть та самая, кого я так долго ждал. У меня ведь до нее девушек постоянных не было. Так, на одну ночь, и все. Да и то редко. Не хотел я никаких отношений без любви. Друзья все давно уже семьями и детьми обзавелись, а я все ждал свою принцессу, – горько усмехнулся Пантелеев. – И дождался...

Он замолчал и, покосившись на стоящую рядом с ним бутылку с водкой, налил себе еще, а остатки водки из бутылки решительно, подойдя к раковине, перевернул и опустошил, вылив содержимое в сток.

– Намерения у меня к ней были серьезные, – словно сам для себя проговорил Захар. Он сел и, выпив из рюмки, сразу же запил водку горячим кофе. – Я видел и чувствовал, что тоже нужен ей и что она любит меня. Но за три месяца знакомства мы не были с ней близки. – Захар с вызовом посмотрел на Станислава, но тот никак не отреагировал на это его заявление, и парень продолжил: – Отметить Новый год у меня была ее инициатива. Я понимал, что это значит для нас обоих. Лена призналась мне, что у нее еще не было близости ни с кем и она берегла себя для того, кого она сама по-настоящему полюбит и кто ответит ей взаимностью. Она сказала, что ждала меня...

Захар опустил глаза и стал пристально смотреть в кружку с кофе, словно надеялся увидеть через черноту напитка дно. Но Станислав понимал, что парень просто старается таким образом успокоиться, и не торопил его.

– Я предложил ей съездить сначала к ней, чтобы она познакомила меня со своей семьей, с отцом. Но она не захотела. Сказала, что после Нового года мы вместе поедem к ней и тогда она меня и познакомит. Так... – Захар снова немного помолчал. – Мы думали, что встретим праздник вдвоем, но неожиданно пришли друзья. Всей компанией. – Захар слабо улыбнулся. – Они узнали, что у меня появилась девушка, и решили познакомиться с Леной. Вот так, без предупреждения.

– Сколько человек к вам пришло? – уточнил Станислав.

– Шестеро. Трое самых лучших друзей пришли, с которыми мы когда-то вместе служили, с женами, – пояснил Пантелеев. – Я видел, что Лена расстроилась, ведь мы хотели в эту ночь быть только вдвоем, но она старалась этого не показать и отлично ладила с боевыми подругами. Так себя называют жены моих друзей. Если надо, то я могу дать их номера телефонов. И друзей, и их жен.

– Нет, пока не нужно. Мы не сомневаемся, что у тебя есть алиби и что ты к этому убийству непричастен, – ответил Станислав. – Но хотелось бы знать подробности того, что произошло в тот вечер.

– Закончился майонез, – отпив остывающий кофе, стал рассказывать Захар. – И, как я понял, сигареты у Лены. Это мне потом уже Павловна сказала. Одна из «боевых подруг», Тельцова Лида, – пояснил он в ответ на вопросительный взгляд Крячко. – Они, девчата, хотели кого-нибудь из своих мужей в магазин послать, но Лена сама вызвалась. Сказала, что заодно и Ахмата выведет, и сигарет себе купит. Я сам не курю, – сознался он, – но Лена иногда курила, хотя мне это и не нравилось. Она, в принципе, серьезной курильщицей и не была, так, баловалась, и даже обещала бросить сразу же после Нового года. Но, видать, все эти переживания, ссора с отцом и новые знакомства...

– Она поссорилась с отцом? – перебил Захара Крячко.

– Так она сказала. Отец не хотел ее отпускать во Владимир, но она упрямая. – Захар потемнел лицом и добавил: – Была. В общем, Лена сильно переживала эту ссору. По ее словам, она с ним, с отцом, раньше никогда так серьезно не ругалась и не спорила.

– На чем она приехала во Владимир?

– На своей машине. На «Фиат 500» красного цвета. Номер у меня где-то записан. – Захар встал, но Станислав усадил его жестом на место, дав понять, что нет нужды отвлекаться на такие мелочи.

– Мы и сами установим номер, если нужно. Машина сейчас где?

– Ее отец Лены забрал, когда приезжал заявление писать, – ответил Захар и потемнел лицом еще больше. – Он у меня пару дней жил, пока не успокоился. Он с водителем во Владимир приехал, но потом отпустил его, а сам уехал на Лениной машине. Мы с ним решили, что будем поддерживать связь и я ему буду рассказывать, как ведутся поиски.

– Ладно. Расскажи мне, что было дальше, когда Лена собралась идти в магазин, – напомнил Станислав парню, на каком месте своего рассказа тот остановился.

– Я вышел с ней в коридор и предложил пойти вместе. Но она отказалась, ссылаясь на то, что берет с собой Ахмата и он не даст ее в обиду. – Пантелеев снова опустил голову и уставился в теперь уже пустую кружку. – Кто же знал, что у этих бандитов есть пистолет? – растерянно пробормотал он. – Я был уверен, что она взяла с собой телефон. Мы с ребятами были заняты, чинили стол. Но когда прошло полчаса и Эля пришла мне сказать, что Лены до сих пор нет, я заволновался и начал звонить ей на мобильный. Оказалось, что он лежит у меня в спальне. Лена, когда переодевалась в платье, положила его на комод. Там он и лежал. И тогда я испугался по-настоящему. – Захар и теперь с испугом, словно вспомнив свое прошлое состояние, посмотрел на Станислава. – Я накинул куртку и выскочил на улицу, побежал к магазину, но по дороге наткнулся на лежащего на снегу Ахмата. Он был мертв, и под ним была небольшая натекшая и замерзшая на морозе лужица крови.

Пантелеев отвернулся от Крячко и стал смотреть в окно. Было видно, что ему трудно говорить и воспоминания о той кошмарной новогодней ночи все еще не дают ему успокоиться.

Станислав встал и снова включил чайник, насыпал себе и Захару по ложке кофе и залил вскипевшей водой. Пантелеев на это только кивнул в знак благодарности и, помешав в кружке ложкой, отпил обжигающий напиток, постепенно успокаиваясь.

– Я огляделся, со страхом ожидая увидеть неподалеку и тело Лены, но кругом было тихо и пусто. Тогда я стал внимательно осматривать все вокруг, но ничего, кроме следов машин и

множества следов от обуви, не увидел. Там, где лежал Ахмат, освещение было тусклое. Фонарь почти не горел и что-то рассмотреть было сложно. Я позвонил Валентину, одному из друзей, и сказал, чтобы он прихватил с собой коврик, что лежал у меня в ванной, и шел ко мне. Я не стал ничего объяснять по телефону. Валя вышел, увидел Ахмата, и тогда я ему все рассказал. Мы с ним вместе вызвали полицию. Пока полиция ехала, к нам вышли все остальные ребята... Такой вот Новый год у нас получился, – невесело усмехнулся Пантелеев.

– Пулю из собаки извлекли? – спросил Станислав и записал в свой блокнот напоминание самому себе – узнать, кто приезжал на место происшествия, составлял протокол и принимал заявление в тот день.

– Да, – кивнул Пантелеев, – по моему настоянию. Для меня это было все равно что убили человека...

– Да, ты говорил, что значил для тебя пес. – Станислав посмотрел на Захара. – Ты помнишь фамилию оперативника, который приезжал на вызов?

– Сладков, кажется, – неуверенно ответил Пантелеев, но потом, немного подумав, подтвердил: – Да, Сладков. В годах мужик. Он выпивший был, в честь праздника, наверное. Но свое дело знал хорошо. Сразу же всех опросил и все в протокол записал. Вызвал бригаду спецов. Но тут, кроме следов от машины (а они их сняли), и ловить было нечего, по моему мнению. Все было затоптано, поди разберись, чьи следы – преступников или чужие. Тут бы даже мой Ахмат нужный след не взял.

– Ну, это по твоему мнению нечего было ловить, а специалистам обычно работы всегда хватает и кроме следов, – наставительно проговорил Крячко. – Ладно, с этим я разберусь. Ты мне вот что скажи. Тебя с тех пор, как исчезла Лена и вы с ее отцом заявление написали, в отделение вызывали? Может, спрашивали о чем-то или уточняющие вопросы задавали?

– Нет, никто не вызывал. Я сам пару раз заходил, спрашивал, но мне этот Сладков ответил, что нового пока ничего не известно. Мол, праздники и все такое. Я сам сейчас в отпуске, – нахмурился Захар. – Теперь даже и не знаю – выходить ли на работу. Кому я без Ахмата нужен? Мы с ним в паре работали.

– Угу, праздники, – недовольно произнес Станислав. – Такие вещи, как похищение человека, нужно по горячим следам расследовать, а не праздники праздновать, – добавил он сердито. – Ты сам что думаешь? Кто мог ее похитить и потом вот так вот с ней поступить?

– Не знаю, – устало пожал плечами Захар и запоздало спросил Станислава: – Ее не насиловали?

– Нет, просто убили.

– Зачем? – тихо и непонимающе спросил Пантелеев.

– Вы с ее отцом говорили на эту тему? – не стал отвечать на риторический вопрос Крячко. Тем более что ответа на него он, как и Гуров, не знал. – Не строили предположений, кто бы мог ее похитить? Может, у отца какие-то проблемы в бизнесе были? Он ничего такого не говорил?

– Нет, Валерий Борисович ничего не говорил, – медленно, словно в трансе, покачал головой Захар. – Хотя да, на эту тему мы и разговаривали. Но немного. Отец Лены оказался мужиком понимающим. На меня обиды не держал. Но и в душу к себе не пускал. Молчал больше. Переживал все в себе. Но я его понимаю. Я сам такой же. Так что мы по большей части молчали каждый о своем.

– А сама Лена не говорила – у нее не было каких-то врагов? Или, может, ее кто-нибудь из парней преследовал? Знаешь, как бывает – девушка красивая, из богатой семьи, кого-то отвергла, и ей решили отомстить.

– Отомстить! Но ведь не так же! – ткнул с возмущением в папку Захар. – Это почерк каких-то мафиози, а не отвергнутого парня. Наверняка это из-за бизнеса ее отца.

– Может, и так, а может, и...

Внезапно Станиславу пришла в голову занятная мысль, и он неожиданно для Пантелеева стал с ним прощаться. Но у порога остановился и попросил:

– Покажи-ка мне место, где ты собаку нашел.

Захар понимающе, не задавая вопросов, оделся и вместе с Крячко вышел на улицу.

Глава 8

Записав все показания Ащеулова, Гуров хотел было спуститься и узнать у дежурного, где можно найти следователя, как в кабинет быстрым шагом вошел Варезкин. Мельком глянув на стоящего у окна и курящего очередную сигарету Валерия Борисовича, он подошел к Гурову и, наклонившись, тихо сказал:

– Лев Иванович, я узнал. Это не фирма Ларионова Русалочку на площадь привезла. И Щелкунчик тоже не их работа. Даниил Евгеньевич посмотрел фото и сказал, что понятия не имеет, кто их мог сделать. Очень уж своеобразный почерк. Не его мастеров – это точно.

– И Щелкунчик, говоришь, тоже не их рук дело? – приподнял бровь Гуров, потом прищурился и задумался. Варезкин смотрел на него выжидающе, но с пониманием, словно догадывался, что за этой задумчивостью последует.

Лев Иванович посмотрел на капитана, потом на Ащеулова и попросил Антона:

– Слушай, проводи Валерия Борисовича к следователю. Пусть он ему выпишет разрешение забрать тело из морга, а потом сразу же возвращайся сюда. Поедем с тобой на площадь.

Варезкин кивнул и, позвав за собой Ащеулова, торопливо ушел. Лев Иванович еще немного постоял в задумчивости и достал свой мобильный телефон, посмотрел на его темный экран и чертыхнулся. Телефон почему-то был выключен. «Вроде же заряженный был», – пробормотал Лев Иванович и включил айфон. И вправду, сеть была заряжена полностью, а на ожившем экране отобразилось сообщение, что полчаса назад Гурову звонил его напарник и друг Крячко. Лев Иванович быстренько перезвонил Станиславу и сразу же услышал его голос:

– Лева, ты чего отключился? Договорились же держать друг с другом связь!

– Ты не ворчи, отчитывать меня будешь потом, – буркнул в трубку Гуров. – Отключился у меня телефон, и сам не знаю почему. Может, нажал куда-то не туда нечаянно. Я с Ащеуловым беседовал, а Варезкин тем временем кое-какие интересные сведения собирал. У тебя что нового?

– У меня – новая версия после разговора с Пантелеевым и осмотра места, откуда предположительно могли увезти девушку.

– Версия – это хорошо, – одобрительно отозвался Лев Иванович. – А если она еще и с моим предположением совпадет, то это будет означать, что мы на правильном пути.

– Что за предположение?

– Нет, ты первый свою версию говори.

– Я так думаю, что Елену Ащеулову убили потому, что она стала свидетельницей какого-то другого преступления. Во всяком случае, все похоже на то. Я только что распроцался с Захаром Пантелеевым. Он мне показал, где нашел убитого пса. Место, надо сказать, очень даже располагает к тому, чтобы сделать какое-то злодейство по-тихому и остаться незамеченным. До ближайших домов – не меньше 10—15 метров. Стоянка автомобилей – тоже в стороне. Освещение, по словам Пантелеева, в этом месте тусклое. То ли специально его таким сделали, то ли просто никто заморачиваться и ремонтировать фонарь не хочет...

– Что ж, твоя версия вполне совпадает с моими подозрениями насчет второй снежной фигуры, возле которой стояла Русалочка, – Лев Иванович нетерпеливо прервал Станислава. – Варезкин узнал, что и Щелкунчик, и Русалочка появились на площади неизвестно откуда и когда. Во всяком случае, время появления их в снежном городке мы пока не знаем. А вот то, что фирма, которая выполняла заказ для муниципалитета, к этим двум снежным сказочным героям не имеет никакого отношения, это факт.

– Ты сейчас думаешь о том же, о чем и я? – спросил Крячко. – В этом Щелкунчике может быть спрятано еще одно тело?

– Да, я об этом и подумал, – согласился Лев Иванович с другом. – А поэтому сейчас дождусь Варезкина, и мы поедем на площадь. Думаю, что нужно будет еще созвониться с мэром, чтобы тот нашел нам, на чем вывезти этого Щелкунчика с площади.

– М-да, как говорится в народной поговорке: «Чем дальше в лес, тем больше...»

– Тел, – усмехнувшись, продолжил Лев Иванович. – Ты сейчас куда?

– Поеду искать некоего Сладкова. Это местный опер. По словам Пантелеева, именно он снимал с него показания после вызова на место происшествия. Хочу узнать, какие улики были найдены на месте убийства собаки и похищения девушки. Что-то они долго раскачиваются с этим криминальным случаем. Надо бы их поторопить.

– Отлично. Заодно узнай, не было ли в этот же день, когда похитили Ащеулову, или чуть раньше, или чуть позже, заявлений о пропаже других людей. Вполне возможно, что ты прав и девушку убили именно по причине того, что она оказалась не в том месте и не в то время и увидела то, что не должна была видеть.

– Понял, – отозвался Крячко, внимательно выслушав друга. – Ты тоже держи меня в курсе. Чтобы я, если что, мог надавить на этих сонных и совсем не оперативных красавиц во владимирском управлении.

– Все, я отключаюсь. Варезкин уже вернулся, – быстро проговорил Гуров и отсоединил связь. – Все нормально? – поинтересовался он у Антона, и тот кивнул. – Тогда едем на площадь. У тебя ведь есть телефон этого свидетеля, Тельникова? Надо будет с его сыном поговорить. Может, мальчик вспомнит, когда на площади появились Русалочка и Щелкунчик.

– Думается мне, что уже после Нового года они там и появились, – высказал свое предположение Варезкин. – Это же очевидно! Если девушку убили тридцать первого вечером, то нужно было время, чтобы ее в снег замуровать, вырезать из снега Русалку и потом только привезти в Суздаль.

– Какой ты догадливый! – с хитринкой посмотрел на капитана Гуров, чем смутил молодого оперативника. – Это понятно, что после Нового года. Но нам ведь нужно узнать точно, какого числа. Узнаем, когда привезли, – начнем искать тех, кто и на чем фигуры привез. Сам понимаешь, такие тяжелые глыбы устанавливаются с помощью крана и привозятся на больших машинах. А это значит, что нанимали все эти машины в какой-то организации. Вот нам и нужно найти эту организацию.

– Думаете, что в Щелкунчике тоже может быть спрятано тело? – несколько не обидевшись на насмешливый тон Гурова, обеспокоенно спросил Варезкин.

– Все может быть. Пока тебя не было, я созвонился со Станиславом Васильевичем, и он, узнав от свидетеля Пантелеева некоторые подробности того вечера, предположил, что девушку убили потому, что она стала свидетельницей другого убийства.

– Вот и я так подумал, – согласился Антон. – Надо бы еще мэру позвонить. Пусть он нам снова даст кран и грузовик, чтобы вывезти с площади Щелкунчика.

– Позвоним обязательно, но, прежде чем выедем на площадь, позвони Тельникову и узнай у него, дома ли его сынок. Если дома, то пусть позовет его к телефону. Выяснишь у мальчика, когда они с друзьями впервые увидели под елкой эти снежные фигуры.

Варезкин нашел в записной книжке и набрал номер Тельникова.

– Алексей Валерианович, здравствуйте. Это капитан Варезкин вас беспокоит, – дождавшись ответного «слушаю», сказал Антон. – Ваш Георгий далеко от вас находится? Мне у него кое-что нужно уточнить. Ага. Дайте ему трубочку. Здравствуй, Гоша, – после недолгой паузы поздоровался оперативник. – Скажи, ты помнишь, когда вы с друзьями первый раз увидели Русалочку и Щелкунчика на площади? Четвертого числа? Это точно? Что ж, отлично, спасибо за информацию. Будь здоров.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Гуров, как только Антон дал отбой.

– Четвертого днем фигуры уже стояли, – ответил Варежкин. – Георгий говорит, что вечером третьего числа они с Ильей и Виталиком ушли с площади в половине десятого и там фигур еще не было. А вот четвертого, когда они вышли гулять после двенадцати, Русалочка и Щелкунчик уже стояли под елкой.

– Ага, значит, если судить по времени, то фигуры могли появиться на площади начиная с десяти часов вечера третьего числа и примерно до половины двенадцатого дня четвертого числа, – задумчиво сощурил глаза Гуров. – Что ж, в этом временном отрезке и нужно будет искать и свидетелей, которые могли бы видеть, как разгружали фигуры, и тех, кого нанимали на эту работу – водителей грузовика и автокрана. Кстати, четвертое число в некоторых организациях было рабочим днем, – со значением посмотрел Лев Иванович на Варежкина, и тот кивнул в ответ, что понял основную мысль полковника.

– Мне с мэром говорить или вам трубку передать? – спросил Антон, выискивая в своем телефоне номер мэра.

– Давай я поговорю, – протянул руку к мобильному Варежкина Гуров. – У меня солидней и убедительней получится, – улыбнулся он своей шутке.

До мэра удалось дозвониться не сразу. Лишь с третьей попытки Гуров услышал долгожданное «говорите, я вас слушаю». Откашлявшись и придав своему голосу суровую интонацию, Лев Иванович сказал:

– Это полковник Гуров из Москвы. Мы с вами сегодня уже беседовали. Дело весьма осложнилось. Мы узнали, что фирма Ларионова не имеет отношения ни к фигуре Русалочки, ни к фигуре Щелкунчика на площади и их, по всей видимости, привезли из другого города. Поэтому есть просьба – выделите нам какой-нибудь грузовик и автокран, чтобы мы могли забрать вторую бесхозную и весьма подозрительную снежную фигуру. Нам нужно ее проверить.

После некоторого замешательства мэр нерешительно спросил:

– Думаете, что там тоже может находиться чье-то тело?

– Не знаем, но всякое может быть. Нужно проверять. Ведь не просто так оба персонажа появились одновременно и стояли рядом, – осторожно, не желая делать поспешных выводов, ответил Гуров.

– Мне нужно полчаса, чтобы выслать вам на площадь необходимую технику, – сказал мэр, и в его голосе Лев Иванович уловил нотки паники. – Я тоже приеду на площадь, – заявил он категорично.

– Да-да, конечно же, приезжайте, – не стал возражать Лев Иванович, а сам подумал: «И какого лешего тебя туда принесет? Управились бы и сами».

Глава 9

Станислав после разговора с Гуровым проанализировал информацию и решил, что перед тем, как связываться со Сладковым, надо сначала узнать, были ли в праздничные дни поданы другие заявления о пропаже людей. Что первым делом, приехав в местное управление МВД, он и узнал у дежурного, спросив, к кому по этому поводу можно обратиться.

– Сегодня восьмое число и у всех выходной. Завтра все будут на месте, – нехотя ответил ему дежурный, который не отрывал глаз от экрана компьютера. Крячко подумал, что дежурный явно занят сейчас больше каким-то фильмом или игрой и находится мыслями далеко от своей работы и служебных обязанностей.

– Тогда дайте мне телефон начальника вашего управления, я сам с ним свяжусь. Думаю, что он должен знать, чем тут на рабочем месте заняты его сотрудники, вместо того чтобы содействовать раскрытию преступлений. Послушайте, – Станислав начал нервничать, – я ведь к вам не от тети с рождественским пирогом пришел, а по важному делу из Главного управления. К тому же я старше вас по званию. А потому вы просто обязаны, если, конечно, хотите и дальше работать в полиции, обратить на меня внимание. Или, по крайней мере, найти мне человека, который сообщит мне нужные сведения.

– Что вы от меня хотите? – Дежурный вздохнул и поставил фильм на паузу. Потом он снял трубку внутреннего телефона и, набирая какой-то номер, спросил Крячко: – Скажите еще раз вашу фамилию.

– Полковник Крячко из Главного управления МВД России.

– Шепилов, – кивнув Станиславу, сказал дежурный в трубку. – Твоя группа у нас сегодня на дежурстве. Выйди, свет очей моих, в коридор. Тут полковник из Москвы требует неких сведений. Да, срочно. Крячко из Главного управления. Давай-давай, нечего прохлаждаться. Сейчас к вам оперативник выйдет, – поднял дежурный глаза на Крячко. – Он вам все что нужно и расскажет, и покажет.

Шепилов – полный, с маленькими бегающими глазками и пухлым ртом оперативник – вышел к Станиславу минут через пять. Лениво оглядев полковника с ног до головы, он спросил:

– Это вы из Москвы?

– Нет, я из Саратова, – усмехнулся Крячко. – А что, тут еще кто-то кроме меня и дежурного есть?

– Идемте, – вздохнул Шепилов и поинтересовался: – Отчего такая срочность?

Крячко не ответил и пошел молча за дежурным опером, чувствуя, как в нем закипает недовольство всем этим сонным царством. В кабинете Шепилов повернулся к Станиславу и вопросительно посмотрел на него в ожидании ответа на свой заданный ранее вопрос.

– Мне срочно нужны данные о пропавших людях, на которых за последнюю неделю, начиная с тридцать первого декабря и по седьмое января, было написано заявление, – сдерживая гнев, повторил Крячко свою просьбу. – Это очень важно. В Суздале была найдена девушка, которая пропала в вашем городе тридцать первого числа. Девушку убили и замуровали в снег, слепив из нее Русалочку и разместив снежную фигуру на центральной площади города. Есть подозрение, что она была убита в этот день не одна. Мне нужен список тех, кто был зарегистрирован в эти дни и считается пропавшим. Я ясно выразился? – Крячко с угрозой во взгляде посмотрел на Шепилова.

До оперативника наконец-то дошла вся серьезность ситуации, он сразу же сменил ленивое выражение лица на деловую заинтересованность, с досадой покосился на дежурного и посеменил к своему компьютеру.

– Сейчас пробью по базе и распечатаю список, – пробормотал он и, уставившись в монитор, начал что-то отбивать толстыми пальцами на клавиатуре.

Крячко терпеливо ждал. Он сел возле стола, за которым сидел Шепилов, и пристально, не мигая, смотрел на оперативника. Тому явно было неуютно под взглядом полковника, и он, весь сжавшись, все быстрее и быстрее стучал по клавишам, отвлекаясь иногда на то, чтобы подвигать мышкой.

– Вот, нашел, – с несколько деланой радостью сообщил через пару минут Шепилов и включил принтер. – Сейчас распечатаю. Всего за эти дни было подано три заявления, – добавил он, близоруко прищуриваясь на экран компьютера. – Тридцать первого числа на некую Ащеулову Елену Валерьевну... – Внезапно оперативника осенило, и он, обрадованно посмотрев на Крячко, спросил: – Так это ее, что ли, нашли в Суздале?

– Да, – коротко ответил Станислав и поторопил: – Кто еще в списке?

– Вот, – Шепилов протянул Крячко несколько листочков, вышедших из принтера. – Еще двое. Пожилая женщина, пенсионерка, и мужчина пятидесяти двух лет. Стоматолог, между прочим, – для чего-то добавил он многозначительным голосом.

Станислав нетерпеливо взял из рук оперативника листки и стал бегло читать информацию, потом посмотрел на Шепилова и поинтересовался:

– Как мне найти Сладкова? Говорят, он как раз и занимается у вас похищением девушки.

– Да-да, именно Сладков и выезжал на место тридцать первого числа. Это в его районе было похищение, – торопливо проговорил Шепилов и позвонил дежурному: – Продиктуй номер телефона Сладкова. Ага. Записываю. – Оперативник быстро нацарапал на маленьком листочке номер и протянул его Крячко. – Вот номер его мобильного. Но он, наверное, сегодня выпивший и вряд ли что-то вам расскажет толково, – с ехидством в голосе добавил толстяк.

– Ничего, у меня он быстро протрезвеет, – ухмыльнулся Крячко.

Он аккуратно сложил бумаги в папочку и встал. Хотел было сказать Шепилову нечто наставительное, но махнул рукой и быстро вышел из кабинета, даже не попрощавшись.

Толстый Шепилов сильно бы удивился, узнав, что Сладков был трезв как стеклышко. Когда Крячко позвонил ему, он серьезно выслушал Станислава и сказал:

– Будьте в управлении, я через пятнадцать минут подъеду, и поговорим.

Прибыл он точно, как поезд по расписанию, – ровно через пятнадцать минут. На ходу поздоровавшись с Крячко, коротко бросил:

– Пойдемте в кабинет.

Через пару минут и Станислав, и Ренат, так назвал себя Сладков при знакомстве, уже сидели друг напротив друга в тесном, но чистом кабинетике. Владимирский оперативник сложил руки замком, посмотрел на московского полковника и попросил:

– Расскажите мне все, что знаете о похищении.

– Ну, знаю я никак не больше вашего. И даже меньше, – не сдержав улыбки и глядя на серьезное небритое лицо собеседника, ответил Станислав. – Нас с напарником самих, можно сказать, из-за праздничного стола выдернули и направили в Суздаль, где и было найдено тело Ащеуловой Елены Валерьевны. Как мы выяснили – той самой, что была похищена в вашем городе. Вот мне и надо узнать все подробности. Все, что у вас есть по этому делу. Ведь я так понял, что эксперты работали на месте происшествия? Так?

– Так, – поморщился Сладков. – Вот только из-за этих праздников вся работа встала. Единственное, что узнали, – это то, что в собаку стреляли из «макарова». Вынули из пса две пули и на месте нашли две стреляные гильзы.

– Еще какие-то улики были найдены?

– Следов там было много, так что поди узнай, кому они принадлежат, – пожал плечами Сладков. – Сняли четкие следы шин от машины, которая там, по всей видимости, стояла довольно долго. Судя по отпечаткам протекторов, марка авто – «Ленд Крузер». Но рядом не было ни видеокамер, ни свидетелей, которые бы могли нам подтвердить, что девушку увезли именно на этой машине.

– Свидетелей искали?

– А как же! – с некоторым возмущением на такой вопрос воскликнул Сладков. – Я всю округу как савраска обегал. Заходил в магазин, где девушка в последний раз была. По фотографии ее опознали и охранник, и одна из кассирш. То есть девчонка в магазин заходила и купить она все купила. Следовательно, ее похитили на обратном пути из магазина. Сами сотрудники магазина вышли из него примерно минут через тридцать после ухода Ащеуловой. В округе, по словам охранника, который уходил последним, ничего подозрительного он не увидел.

– Я был на месте и посмотрел расположение дома Пантелеева, магазина и места, откуда девушку предположительно увезли. Место похищения находится несколько в стороне от короткого пути, ведущего к магазину, – дождавшись паузы в монологе Сладкова, вставил Станислав свои наблюдения.

– Да, так и есть, – согласился Ренат с Крячко и добавил: – Но девушка была с собакой. Возможно, она специально решила пойти не напрямую, а сделать дугу к небольшому пустырю, чтобы выгулять пса.

– Может, и так. Но возможно, что она увидела что-то незаконное и решила вмешаться. Или просто подошла к кому-то и попросила прикурить.

– Да, и это реально. На месте была найдена смятая, но не раскуренная сигарета марки «Kiss» с губной помадой на фильтре. Я потом из вещей девушки изъяс губную помаду и отдал криминалистам. По цвету вроде бы как подходит, а вот окончательный анализ пока еще не сделан – праздники, – развел Сладков руками.

– Все, праздники закончились прямо сейчас, – нахмурился Крячко. – Завтра прямо с утра нужно будет потребовать, чтобы все необходимые анализы по уликам были сделаны в срочном порядке. Девушку убили, и потому все анализы нужно делать с максимальной скоростью. Возможно, что ее убили не одну. Вернее, ее убийство стало целью скрыть какое-то другое преступление, свидетельницей которого она по нечаянности стала.

– Вы считаете, что на том самом месте было совершено двойное убийство? – нахмурился Сладков. – Вот черт, – взъерошил он волосы. – Знать бы, что такое дело, так я бы всех экспертов еще тогда на уши поставил, чтобы они мне всю округу по сантиметру обнюхали и перелопатили...

– Говорить об этом теперь поздновато, – усмехнулся Станислав. – Кстати, – вспомнил он. – Там, рядом с фонарем, стояли мусорные баки. Вы в них, случайно, не заглядывали? Или, может, что-то рядом с местом похищения еще лежало? Что-то такое, чего там быть не должно?

– Помню, тряпка была какая-то, вся в мазуте и еще в чем-то. Я заподозрил кровь, поэтому и сказал криминалистам, чтобы они и ее на анализы взяли.

– Вот завтра с самого утра и надавите на них, чтобы в первую очередь этим занялись. – Крячко немного подумал, а потом спросил: – Во сколько у вас завтра планерка? Я приду и сам все расскажу. Возможно, – Станислав сделал многозначительную паузу, – что к завтрашнему утру у нас появится еще один труп.

Крячко коротко рассказал Сладкову о Щелкунчике и о том, что его коллега сейчас как раз занят тем, что выясняет, есть ли в этой фигуре такой же сюрприз, как в Русалочке, или этот сказочный персонаж был сделан для отвода глаз.

– Дела... – только и смог сказать удрученный новостью Сладков, и в кабинете воцарилось тягостное молчание.

– Ну а отец Ащеуловой – что он говорит? Вы ведь с ним беседовали?

– Ничего особенного он мне не сказал, – поморщился Сладков. – Расстроенный мужик был. Говорит, что дочь у него приехала во Владимир к своему парню, к Пантелееву, значит. Вот у него и узнавайте, кто ее мог похитить. Я у папы спрашивал – может, кто-то из конкурентов на него зуб имеет? Но Ащеулов все твердил, что не ведет дела с криминальными элементами и врагов, которые бы хотели ему таким страшным образом – похитив дочь – отомстить, не имеет.

А если бы имел, то наверняка получил бы от них какое-то уведомление, предупреждение или угрозу. Но ничего такого не было. Я ему наказал, чтобы он меня в курсе держал, если ему вдруг угрозы по телефону поступят или письмо какое-то с требованиями придет. На том и разошлись.

– Ладно. – Станислав хлопнул себя по коленям, встал и посмотрел в темнеющее окно. – Снег пошел, – констатировал он увиденное и добавил: – Что ж, завтра будет день, будет новая пища для размышлений. Поэтому, – Станислав протянул руку Сладкову, – до завтра.

Глава 10

К тому времени, когда Гуров и Варежкин добрались до места, на улице совсем уже стемнело. Но на площади из-за праздничной иллюминации и огней на елке да из-за густо повалившегося с затянутого тучами неба снега было светло как днем. Народу по центру гуляло немного, да и то в основном детвора и молодежь, которая веселилась, катаясь с горки.

– Зря мы так рано подъехали, – оглядываясь по сторонам, заметил Варежкин. – Холодает, – он зябко поежился. – Кто знает, сколько нужно будет эту технику ждать?! Надо было на утро договориться.

– Некогда нам до утра ждать, – ответил Гуров. – Надо бы уже сейчас знать, есть ли у нас еще жертва или нет. Надо, чтобы у нас к утру уже какое-то решение осмысленное было – понять, в каком направлении нам расследование вести. Ведь если будет еще одно убийство – это одно направление, а если не будет...

Лев Иванович замолчал, раздумывая. Он чувствовал, что не будет у них этого другого направления, его сыщицкое нутро просто-таки было уверено, что и в Щелкунчике они найдут тело. Но вот только чье это будет тело?

«Мне бы еще найти, где сегодня переночевать, – подумал Гуров. – Можно, конечно, в случае чего и в управлении, где-нибудь в дежурке перекантоваться», – вздохнул он и, повернувшись к Антону, спросил:

– Слушай, я тут за всей этой суетой совсем забыл в гостинице номер забронировать. Ты знаешь какой-нибудь отель, где можно прямо сейчас по телефону записаться? Есть какой-нибудь хостел или частный пансионат, который круглосуточно принимает заявки?

– Не знаю, – пожал плечами Варежкин. – Но вы, Лев Иванович, не переживайте. У меня заночуете. У меня хоть и однокомнатная квартира, но места хватит. Я вам на диване постелю, а сам на раскладушке лягу.

– Я тебя не стесню?

– Да что вы! – махнул рукой Антон. – Мне веселее будет. Девушка от меня съехала. Я ведь уже говорил, что поругались мы с ней. Она даже и не звонит мне. Значит, решила, что отношения закончились.

– Это она так решила или ты? – усмехнулся Лев Иванович, удивляясь, как просто нынешняя молодежь относится к таким вещам, как семья и серьезные отношения. – Сам-то ты звонил ей?

– Звонил, – вздохнул Варежкин. – И звонил, и эсэмэски писал, и просил вернуться...

Лев Иванович видел, что Антон неохотно говорит о своей личной жизни, и решил больше не расспрашивать его, не поднимать эту неприятную для парня тему.

– Снег подмерз, – Варежкин подошел к Щелкунчику и приложил к фигуре одетую в перчатку руку. – Эх, знали бы, что такое дело, то мы и его бы с собой утром еще увезли и вскрыли, – с досадой проговорил он. – А сегодня вряд ли уже получится, – посмотрел Антон на Льва Ивановича. – У нас на заднем дворе, где Русалочку растопили, темно уже. Придется по-любому до утра ждать. Где ж мы ночью горелки возьмем?

– А утром где брали? – с досадой спросил Гуров.

– Так стройка рядом. Может, обратили внимание? Работать там ребята начинают, как только светает – часов с восьми. Им праздник не праздник, а сроки сдачи объекта поджимают, вот они и трудятся. Мы с прорабом договорились, и он нам двух сварщиков выделил с горелками. По-быстрому баллоны с газом притащили и растопили снег аккуратненько.

– Что ж, завтра так завтра, – вздохнул Гуров. – Значит, к восьми часам нам с тобой нужно будет опять на стройку идти и снова договариваться насчет сварщиков.

– Без проблем. Прораб – мужик с понятием, не откажет, – шмыгнул носом Антон. – Холодно, – потопал он ногами и посмотрел на часы.

– Пока нет никого, сфотографируй-ка нам сие произведение искусства со всех сторон, – попросил Гуров Антона. – Заодно подвигаешься и согреешься, – улыбнулся он.

Антон с готовностью принялся наводить на Щелкунчика свой телефон, и тут на площадь въехал автокран, а за ним и небольшой грузовичок с железным бортом. Гуров оглянулся и увидел, как к ним через площадь спешит и машет рукой какой-то мужчина в пальто и без шапки. Когда мужчина подошел ближе, Лев Иванович узнал в нем мэра.

– Сейчас ребята быстро его погрузят, – сказал мэр, указывая на фигуру Щелкунчика. – Когда вы его... Когда вы хотите его осматривать? – нашел он, как ему показалось, подходящее слово.

– Мы не врачи, а анатомы, – хмуро пошутил Гуров. – Вскрывать будем только утром. Темно уже, да и нечем пока.

– Вы меня в курсе держите, – взволнованно глядя на Льва Ивановича, попросил мэр. – Это же надо, какой скандал будет, если и в нем окажется что-то... кто-то...

Мэр озирался по сторонам так растерянно и с таким подозрением, словно опасался, что сейчас из-за елки выскочит убийца и расстреляет всех из автомата.

«И зачем человек приехал? За свою карьеру опасается или по-настоящему переживает за ситуацию, за людей, которые в праздники оказались убитыми и захороненными вот так цинично и нагло – в снежных телах сказочных героев? Скорее за себя и свое место волнуется, – наблюдая за суетой мэра, который взялся с излишним энтузиазмом руководить погрузкой снежной фигуры, думал Лев Иванович. – Иначе зачем все время упоминать слово «скандал»? Тут впору не о скандале думать, не о своей репутации, а о тех людях, чьими родственниками были убитые».

Лев Иванович нахмурился, опустил голову и задумался об Ащеулове и о его последних словах, которые он сказал Гурову перед тем, как выйти из кабинета. «Я не знаю, как мне теперь с этим жить. Я потерял вместе с Леной часть себя, большую и важную часть. Часть, которая имела в этой жизни хоть какой-то смысл».

– Лев Иванович. – Гуров очнулся, почувствовав, как Варежкин тербит его за рукав. – Поедемте. Надо ехать. Уже погрузили, – словно издали раздавался голос капитана.

– Да-да, едем, – кивнул Гуров. – Я немного задумался...

Выгрузив и аккуратно поставив Щелкунчика на заднем дворе управления, Варежкин с Гуровым, оставив служебную машину на стоянке, направились к автобусной остановке.

– Все никак руки не дойдут машину купить, – пожаловался капитан. – Вроде бы и деньги есть, и на права давно уже сдал, а вот своей «кобылкой», как мой дед называл все авто, – улыбнулся Антон, – никак не обзаведусь. Всякий раз думаю: вот в отпуск пойду, так и куплю. Но то одно мешает, то другое...

– Ты далеко живешь? – устало спросил Гуров.

– Нет, остановки три на автобусе. Чаще пешком хожу, чем на транспорте, – ответил молодой оперативник.

– Пока молодой, не покупай машину, – посоветовал Лев Иванович. – На работе служебная есть, а еще лучше – ногами работай. И в форме хорошей будешь, и к людям ближе. Я и сам по молодости больше ногами работал. До полковника дослужился, но частенько и сейчас ногами приходится двигать, – рассмеялся он.

У Гурова заиграл телефон, и он решил, что это Станислав. Но оказалось, что звонила Мария.

– Лева, ты сегодня вернешься? – спросила она.

– Нет, – вздохнув, ответил Лев Иванович. – Похоже, что я надолго застрял в славном городе Суздале.

– Все так серьезно? Ты где ночуешь? Как там Станислав? – засыпала его вопросами жена.

– Станислав уехал во Владимир. Ночевать я сегодня буду у коллеги, а вот завтра... Даже и не знаю, куда меня расследование заведет. Сама понимаешь, это не театральные гастроли, чтобы все заранее распланировать.

– Не намекай, – рассмеялась Маша. – Просто я скучаю без тебя.

– Вот и поскучай немного. Я ведь без тебя чаще остаюсь. Это полезно – скучать друг по другу. – Лев Иванович покосился на Варезкина, но тот, похоже поняв, что разговор личный, не прислушивался и даже отошел подальше.

Поговорив с супругой еще немного, Лев Иванович решил позвонить Станиславу, но тут подошел нужный автобус, и Гуров с Антоном поехали на квартиру к молодому оперативнику.

Разговор с Крячко состоялся только поздно вечером, когда Станислав сам позвонил Льву Ивановичу. На вопрос друга, найдено ли еще одно тело, Гуров ответил:

– Темно. Нужно топить снег аккуратно, чтобы ни улики, ни тело не повредить, если вдруг кто-то в снежном Щелкунчике будет спрятан. Да и эксперты только утром придут. Опять же, с понятыми проще будет. Сам знаешь, как такие процедуры выполняются. Ты мне вот что лучше скажи. Что ты узнал по поводу пропавших? Были такие заявления поданы на праздники?

– Были, – ответил Станислав. – Не считая Ащеуловой – еще двое. Первая пропавшая – пенсионерка Альбертина Лаврентьевна Кошелева, шестидесяти девяти лет. По словам родственников, бабушка страдала Альцгеймером и ушла из частного дома престарелых первого января. Заявление второго числа написала дочь Кошелевой. И еще... – Лев Иванович услышал, как Станислав шуршит какими-то бумагами. – Заявление на Проппа Кирилла Исаевича. Это зубной врач, как мне сказали. Заявление написала жена. И написала она его... так... четвертого января. Я сейчас тебе список и фотографии на телефон вышлю, посмотришь сам.

– Четвертого? – задумчиво переспросил Гуров скорее сам себя, чем Крячко. – Утром четвертого числа Русалочку и Щелкунчика установили на площади в Суздале, – сказал он. – Или третьего поздно вечером. Во всяком случае, по той информации, что мы сейчас имеем, где-то в этот период.

– И о чем это говорит? – поинтересовался Станислав.

– Пока что ни о чем. Высылай все, завтра посмотрим, что и как.

– Во сколько думаете начать завтра? Ведь если окажется, что у нас двойное убийство, то, скорее всего, расследование нужно будет переносить во Владимир и там искать концы. Или начало...

– В восемь думаю начать. Но как там получится, пока не знаю. Скорее всего, часам к десяти только все выясним.

– Ладно. Как только все узнаешь, так сразу мне звони, – попросил Станислав.

А затем он рассказал Гурову все подробности о расследовании похищения девушки, которые он узнал от Сладкова. Обсудив детали, решили, что в деталях уже есть как минимум одно совпадение – марка автомобиля, – и это хотя и небольшой, но шаг вперед. Эксперты в Суздале и во Владимире определили, и их мнения совпали, что девушку увезли в автомобиле марки «Ленд Крузер». Возможно, в нем же и убили.

Глава 11

Утром девятого января начальник уголовного розыска города Суздаль Петровский вошел в свой кабинет, огляделся, удивленно сказал: «Не понял!» – и снова вышел. В коридоре, как и в кабинете начальника, никого не было – не сновали оперативники, не проходили мимо и не здоровались с ним другие работники. Только в приемной сидела секретарша Лидия Матвеевна и невозмутимо печатала на компьютере всеми десятью пальцами.

– Лида, а где, собственно, все остальные? – тихо закипая от возмущения, вкрадчиво спросил Петровский секретаршу. – У нас что, все еще праздники продолжаются? На планерку почему никто не пришел?

Секретарша ответила не сразу. Она старательно допечатала какую-то фразу и только после этого с интересом посмотрела на босса.

– А вы разве не в курсе? – удивленно спросила она. – Все на заднем дворе, Щелкунчика растапливают. – Она закатила глаза так, словно была удивлена такой его неосведомленностью, и, склонившись над клавиатурой, снова принялась печатать.

Петровский некоторое время непонимающе смотрел на Лидию Матвеевну, словно ждал от нее продолжения объяснений, но, так и не дождавшись, неловко кашлянул и снова вышел в коридор. Он подошел к окну, которое вело на задний двор управления, и посмотрел вниз. С третьего этажа ему отлично было видно, что все его сотрудники, включая водителей и лаборантов из экспертного отдела, собрались внизу и с интересом наблюдают за действиями двух парней в сварочной робе и с горелками в руках.

Петровский недоуменно покачал головой и пошел к лестнице. Теперь он понял, что привлекло внимание его сотрудников, и решил тоже спуститься и посмотреть, как будет проходить процедура изъятия тела из снежного Щелкунчика.

«А был ли мальчик? – подумалось Петровскому, но сразу же он сам себя одернул: – Почему ты решил, что должен быть мужчина? Может, будет еще одна девушка? Или вовсе никого в этом Щелкунчике не будет. Было бы хорошо, если бы никого не было».

Но как ни надеялся Петровский, да и не он один, а тело в снежном сказочном герое все-таки обнаружилось. Это было тело мужчины за пятьдесят, с густыми, но совершенно седыми волосами, чисто выбритым подбородком и большим носом – крючковатым и длинным, словно клюв у ястреба.

Когда Петровский подошел к толпившимся людям, снег на фигуре Щелкунчика растопили уже наполовину, и видно было, что мужчина, лежащий в снежном саркофаге, был полностью, если не считать черных мужских носков, раздет.

– Что за цирк вы тут увидели?! – рявкнул Петровский и оглядел всех таким взглядом, что народ молча и быстро начал расходиться. Вскоре во дворе осталось только несколько человек – один из сварщиков, Гуров с Варежкиным, судмедэксперт и несколько экспертов-криминалистов, занятых своим непосредственным делом – сбором нужных улик.

– Приветствую начальство, – бодрым, но глухим от волнения голосом поздоровался Лев Иванович и протянул Петровскому руку.

– А я-то надеялся, что обойдется, – пожал руку полковнику Аркадий Сергеевич, кивнув в сторону мертвого мужчины. – Еще вчера, когда узнал, что Русалочка стояла в паре со Щелкунчиком, закралась мысль, что тела может быть два, но я ее, эту мысль, прогнал. Не хотелось верить в худшее...

– Нам тоже не хотелось, – понимающе кивнул Гуров. – Но когда копнули глубже и выплыла версия, что девушку убили как свидетельницу другого преступления, сомнений почти не осталось. Как и надежды на другой исход истории.

– Плохо, – подвел итог Петровский. – Когда закончите, поднимитесь в кабинет, будем решать, что со всем этим, – он кивнул на труп мужчины, – делать.

Освободились Гуров и Варежкин только через час. К тому времени Петровский уже провёл планерку и теперь изучал документы по другим делам. Когда оперативники вошли, он посмотрел на них молча из-под очков и кивнул, приглашая сесть.

– Замерзли? Сейчас я Лидии скажу, чтобы чай принесла.

Не успел он это сказать, как в дверь решительно и без стука вошла секретарша и молча поставила на стол перед Гуровым и Варежкиным поднос с тремя керамическими кружками, из которых валил пар и видны были торчащие заварочные пакетики. Одну из кружек она взяла и, обойдя стол, аккуратно поставила перед начальником. Потом так же молча вышла и закрыла двери кабинета.

– Секретарша у вас, Аркадий Сергеевич, просто высший класс! – с восхищением произнес Гуров. – Не успели вы подумать, а она уже – вот нате вам чаю горячего.

– М-да, – не нашелся что ответить на это Петровский, хотя и было видно, что ему польстила похвала московского полковника. Чтобы не показать своего довольства, он быстро спросил: – Ну, что там у нас? Какие-то предварительные данные уже имеются?

– Не просто предварительные, а даже очень точные сведения имеются, – с молчаливого согласия Льва Ивановича стал докладывать Варежкин. – Во-первых, нам известно, кто этот мужчина. Это зубной техник или, может, зубной врач, это нужно еще уточнять, по фамилии Пропп...

– Пока его не опознали официально, говорить стопроцентно, что это именно он, все-таки рановато, – поправил Антона Лев Иванович.

– Да, но нам ведь известно, что именно на Проппа Кирилла Исаевича, пятидесяти двух лет, в городе Владимире четвертого января было подано заявление от его жены. Имею в виду, заявление о его пропаже. Да и под описание этот мужчина вполне подходит. Правда, одежды на нем никакой нет, поэтому... Наверное, Лев Иванович прав, нужно ждать опознания. – Антон отпил пару глотков из кружки и продолжил: – Судмедэксперт осмотрела тело. Предварительный осмотр показал, что мужчина умер, скорее всего, от выстрела в область сердца. Был еще один выстрел, так называемый контрольный, в голову... – добавил Варежкин и посмотрел на Гурова. Тот кивнул, и Антон уже увереннее продолжил: – Вскрытие точно покажет, от какой из пуль он умер. На шее убитого видна полоса от веревки или толстого провода. Точно скажут криминалисты позже. К мужчине могли подойти сзади, накинуть на шею удавку и придавить, во всяком случае след от странгуляционной борозды говорит именно о том, что он был еще живой, когда на него была брошена веревка. Ну а потом его вывезли в место, где было немного народа, и застрелили...

– Ну, это только твои предположения, – перебил его Петровский. – Мы ведь даже не знаем, где на этого дантиста напали. Может, он дома сидел и телевизор смотрел, а квартиру тихонько взломали. Или с работы только что вышел и в машину садился, чтобы домой ехать. Предполагать, Варежкин, можно все что угодно. В нашем деле за предположения не платят. Нам за факты платят и требуют только их и улики, – наставительно проговорил Аркадий Сергеевич и, усмехнувшись, посмотрел на Гурова. – Что еще известно на сей момент?

– О мужчине неизвестно пока ничего, – ответил Лев Иванович. – Но зато есть два совпадения, по которым с осторожностью можно судить, что эти два убийства связаны между собой. Это марка автомобиля, на которой увезли девушку, и марка пистолета, из которого была застрелена собака, с которой на момент похищения гуляла Ащеулова.

– Ну-ну, поподробней об этом, – заинтересованно наклонился к Гурову Петровский.

– По машине... – заглянул в свои записи Варежкин. – Наши специалисты нашли в волосах Елены пару волокон ткани, соответствующих материалу для чехлов, изготовленных именно для марки «Ленд Крузер». Протекторы от шин на месте похищения девушки говорят о том,

что в этом месте стояло авто той же марки. Такое совпадение может говорить о том, что увезли девушку именно на «Ленд Крузере».

– А что с пистолетом? – нетерпеливо перебил капитана начальник.

На вопрос Петровского ответил Гуров:

– Я еще на месте попросил экспертов вынуть одну из пуль, которыми был убит мужчина, и мы определили, что она выпущена из пистолета «макаров». Собака на месте похищения Ащеуловой тоже была застрелена из пистолета этой же марки. Осталось только сравнить пули и сказать – из одного и того же ствола был произведен выстрел или из разных.

– И что нам это дает?

– Это дает нам то, что все следствие нужно переносить во Владимир, – подвел итог Лев Иванович. – Так что мне нужно будет туда срочно выезжать и на месте уже искать все ниточки к клубочку.

– Ты у меня и Варежкина заберешь?

– Пока нет. Надо, чтобы он тут поискал свидетелей, которые видели, как привозили и устанавливали Щелкунчика и Русалочку на площади. Может статься, что люди, которые их привезли, – хоть частники, хоть фирма, – были из Суздаля.

– Свидетели... – Петровский нахмурился, а потом, словно приняв какое-то решение, кивнул головой и сказал: – Есть у меня некоторые мысли, как найти таких свидетелей побыстрее. Антон, – обратился он к Варежкину, – я попрошу Лидию Михайловну напечатать от нашего, так сказать, управления объявление и размножить его. Отвезешь их в ближайший к площади ЖЭК и проконтролируешь, чтобы они раздали дворникам. Пусть наклеят на подъезды близлежащих домов. Вдруг кто и отзовется? А то ведь поквартирно обходить дома и спрашивать – ног не хватит. И лишних сотрудников у меня на такое мероприятие нет. Но телефон, куда людям обращаться, я напишу в объявлении твой. Так что ответственность с тебя все равно за это не снимается.

– Хорошо, – коротко кивнул Варежкин.

– Вот и ладно. Когда поедешь? – спросил Петровский Гурова. – Давай я тебе свою машину с шофером дам. Он тебя во Владимир отвезет и назад вернется.

– Дождусь результатов экспертизы и поеду, – ответил Лев Иванович. – Я ребят и Ольгу Александровну, вашего медэксперта, поторопил, они обещали все через пару часов уже сделать и оформить.

– Вот и ладно, вот и хорошо. Как соберешься ехать, зайди ко мне. – Петровский снова нацепил на нос очки, давая понять, что разговор окончен.

Глава 12

Водитель Петровского довез Гурова до самых дверей владимирского угро и, распрощавшись, отбыл. У дверей здания Льва Ивановича уже ждал Станислав, который зябко ежился на холодном ветру.

– Вон как похолодало! – вместо приветствия сказал он подошедшему к нему Гурову. – Словно и не было весенней оттепели. На дороге – каток. Впору на коньках кататься, а не на машинах ездить. Шипы и то не помогают – скользят.

– Ничего, я видел, что дороги уже посыпают, так что все неприятности хотя бы в этом отношении сгладятся. Чего нельзя сказать о нашем деле. Ну что – куда сейчас? Кто у нас похищением Ащеуловой занимается?

– Ренат Сладков, – на ходу стал рассказывать Крячко. – Мужик толковый. Я сегодня с начальником его встречался и разговаривал. Рассказал, как обстоят дела. Он пообещал содействие и Сладкова отдал нам, правда на время, для ведения расследования. А ты почему один? Я думал, ты с Антоном приедешь.

– Антон позже, если нужно будет, подъедет. У него сейчас другое задание – ищет свидетелей, которые могли видеть, кто привез фигуры на площадь. А заодно поищет тех, кто привез. Не сами же убийцы загружали-разгружали эту тяжесть.

– Ну почему же, могли и сами, – ответил Станислав. – Может, они работают на какой-нибудь стройке и имеют доступ и к крану, и к грузовику.

– Интересная мысль, – одобрительно кивнул Лев Иванович. – И такой вариант вполне себе версия. Только вот что они с дантистом не поделили, эти работяги? Зубы он им, что ли, не те вставил? Ты, кстати, выяснил, что за личность этот Пропп?

– Да, узнавал. Но с женой его еще не говорил. Надо ведь ее на опознание везти. Но я сначала хотел сам удостовериться, тот ли самый он дантист, который пропал, или убитый кто-то другой. Ты же мне фото выслал, вот я и сравнивал. Все верно, нашли вы в Суздале именно Проппа Кирилла Исаевича. Интересное сочетание имени-отчества и фамилии, – хмыкнул Станислав. – Вроде бы как немецкая фамилия, а отчество – еврейское. Да еще и в сочетании с именем, которое обычно русским мальчикам дается.

– Это еще что! – улыбнулся Лев Иванович. – У Марии в театре работает Мухаммед Варламович Иванов – вот сочетание так сочетание!

Оперативники вошли в кабинет, в котором их встретил Сладков. Познакомившись с Гуровым, он сказал:

– А я вас, Лев Иванович, помню. Вы к нам приезжали в конце две тысячи шестого года по делу об убийстве коллекционера Галкина. Я тогда еще салагой был, стажировку проходил. Но вас вот почему-то запомнил.

– Да-да, вспоминаю, было такое дело, – припомнил Лев Иванович. – Тогда еще целую шайку из пяти человек арестовали. Там и какие-то махинации с валютой были, и фальшивые деньги. Но ладно, вспоминать прошлое мы не будем. У нас и в настоящем дел по горло. Я тут заключения по уликам и судмедэксперта привез. Давайте что у вас есть, и будем сравнивать.

– У нас есть только заключение по баллистике и по отпечаткам протекторов авто, – стал перечислять Сладков, передавая бумаги Гурову. – Есть также заключение специалистов по мазуту на тряпке, которое подтверждает, что машина была марки «Ленд Крузер». Там же, на этой тряпке, найденной на месте предполагаемого похищения девушки, были выявлены пятна крови. Эксперты определили третью положительную группу. Есть ли кто-то из убитых с этой группой крови? – спросил он у Гурова.

Полковник нахмурился, вспоминая, посмотрел имеющиеся у него на руках заключения анатома, а потом кивнул и подтвердил:

– Да. Это группа крови Проппа. У Елены Ащеуловой первая положительная.

– Вот еще одно совпадение. Вполне возможно, что на момент похищения девушки Пропп был в том же месте, что и она. Возможно, что его перевозили в багажнике машины, в котором лежала эта измазанная мазутом тряпка, – заметил Крячко. – Тряпку или выкинули, или она упала и осталась незамеченной похитителями.

– Следы губной помады на смятой сигарете марки «Kiss» совпадают по составу с помадой из сумочки Ащеуловой, – продолжил Сладков. – ДНК-анализ еще не готов. Но, опять же, имеется совпадение. Станислав Васильевич сказал, что у вас есть данные баллистической экспертизы, – посмотрел Сладков на Гурова.

– Да. Есть и фотографии, и описание пули. Так что можно прямо сейчас сравнить с теми пулями, которые вынули из застреленной собаки.

Сладков протянул Льву Ивановичу фото и описание пуль, найденных в теле Ахмата, и все трое склонились над документами.

– Однозначно выпущены из одного пистолета, – констатировал результаты осмотра Гуров, и Крячко со Сладковым с ним согласились.

– Отдадим все экспертам, пусть они нам это документально оформят, – сказал Ренат и неожиданно для Гурова и Крячко задал вопрос: – А версия о том, что Ащеулова как-то могла быть связана с дантистом, никак не рассматривалась?

Полковники разом удивленно посмотрели на владимирского оперативника.

– Обоснуй вопрос, – попросил Лев Иванович.

– Ну, не знаю... – потер лоб Сладков. – Может быть, дантиста знала не она лично, а, допустим, ее отец. Или Ащеулов знал жену Проппа, которая, кстати говоря, является бывшим работником городской администрации, а ныне – депутатом городского совета. Депутатом, между прочим, она стала год назад. Я тут, пока Станислав Васильевич ходил вас встречать, пробил информацию по этой даме. Она в свое время была замглавы города и участвовала в распределении бюджета. Надо сказать, что муж ее был очень популярным дантистом в нашем городе. У него была своя практика, он заведовал частной стоматологией «Ариэль». Которая вроде бы строилась на деньги города. Но этого я наверняка не знаю. Это пока что только слухи из соцсетей, сплетни, так сказать.

– Интересно, интересно, – нетерпеливо поерзал в кресле Гуров. – Надо бы покопаться во всей этой истории подробней. Но Ащеулов-то тут при чем?

– Он инвестор и в строительстве имеет свои вложения. Может, каким-то образом он причастен к строительству стоматологии, – предположил Сладков. – Говорю же, история мутная.

Гуров немного подумал и согласился, что такой вариант нельзя не учитывать.

– Возьмешь на себя миссию проверить эту версию? – спросил он у Сладкова. – Вдруг Ащеулов и вправду как-то связан с депутатшей и с махинациями по строительству? Кстати, нужно срочно узнать номер телефона Проппа и послать запрос оператору связи, чтобы выяснить, где в последний раз был зарегистрирован сигнал с телефона дантиста. Да и его связи не мешало бы проверить. Сдается мне, что именно он и есть ключевая фигура во всей этой истории, а не молоденькая студентка. Поэтому прежде всего будем раскручивать убийство Проппа.

– Ну да, будем знать, почему его убили, – узнаем, кто убийца девушки, – согласился Сладков с мнением Льва Ивановича, а Станислав лишь понимающе переглянулся с Гуровым и промолчал.

– Что еще удалось выяснить, кроме того, что Пропп был убит из пистолета «макаров»? – после недолгого молчания и обдумывания имеющейся у сыщиков информации спросил Ренат у Гурова. – Что еще суздальские эксперты нашли?

– Анализы снега показали, что и Ащеулова, и Пропп были замурованы в фигуры в одном и том же месте, – ответил Лев Иванович, просмотрев записи отчетов экспертов, которые он привез с собой. – Опять же, краситель, которым были выкрашены некоторые элементы фигур,

имеют одинаковую составляющую. Это специальная аэрозольная краска марки Montana Gold Transparent, которая используется в основном для граффити или внутренних настенных росписей. Думаю, что нужно будет узнать, где продается такая краска и кто и когда ее покупал тут, во Владимире.

– Работенка, конечно, еще та, – нахмурился Станислав. – Сейчас такие вещи запросто можно заказать по интернету. Надо задействовать кого-то из специалистов. Пусть порыщут по Озону и интернет-магазинам и выяснят, был ли перед праздником заказ на такие краски от кого-то из Владимира. А заодно узнают в местных строительных магазинах, были ли продажи в декабре именно таких аэрозольных красок. Можно кого-то привлечь на помощь? – спросил он Сладкова.

– Давайте-ка я попрошу своего младшего брата сделать всю эту работу, – немного подумав, предложил Ренат. – Он у меня в интернете чувствует себя как рыба в воде и не один раз меня уже выручал по работе. А в магазины я и сам наведуюсь. Ему эту информацию никто не даст, а мне с моими корочками оперативного работника угро обязаны будут сказать.

– Нам без разницы, – ответил Гуров. – Брат так брат. Лишь бы результат был. Мы со Станиславом тогда займемся личностью Проппа и его женой. Надо бы ее для начала известить о том, что его нашли, да свозить на опознание. Я этим и займусь. А ты, Станислав, наведайся в зубную клинику и все там узнай о нашем дантисте.

– Хорошо, – кивнул Крячко и посмотрел на часы.

Он уже привык, что Гуров в их дуэте всегда играет роль распределителя ролей в их совместных расследованиях, и не возражал против такого главенства. Негласно он понимал, что Лев Иванович из них двоих имеет более тонкий сыщицкий нюх на разные криминальные повороты и нюансы в расследовании, и поэтому давно уже признал за собой роль доктора Ватсона при Шерлоке Холмсе. Хотя и ему, Станиславу Крячко, нередко приходили в голову правильные догадки и дельные мысли, он по своему характеру ведомого, а не ведущего был готов выполнять все предложенные ему другом задания безо всякого возражения. Он прекрасно понимал, что в любом расследовании нет и не может быть мелочей или неважностей. В их работе все подчинено единой цели – быстрому и эффективному раскрытию преступления.

Глава 13

С Региной Михайловной Патрушевой, женой дантиста Проппа, Гуров встретился после оперативного совещания в кабинете Сладкова. На звонок Гурова она ответила сразу и согласилась встретиться с ним, как только узнала, по какому вопросу ее хочет видеть полковник из Главного управления МВД России. В ее голосе прозвучали нотки волнения и растерянности, когда Лев Иванович деликатно объявил ей о том, что ее мужа нашли убитым. Но, как показалось Гурову, новость эта не была для нее шокирующей или, как это обычно бывает с такими новостями, трагической. Узнав, что для опознания тела нужно ехать в Суздаль, Регина Михайловна удивилась, но потом, немного помолчав, сама предложила Льву Ивановичу поехать на ее машине.

– Понимаете, – сказала она, – я думаю, что так будет удобнее и для вас – поехать вместе со мной, а потом вернуться. Вы ведь сейчас во Владимире, я правильно поняла?

– Да, я сегодня только приехал из Суздаля, – подтвердил Лев Иванович. – Мы можем съездить и на служебной машине, но если вы сможете самостоятельно вести машину, то тогда, конечно, лучше ехать на вашей.

– У меня есть водитель, – пояснила Патрушева. – Он нас отвезет. Куда мы можем подъехать и забрать вас? Впрочем, я уже поняла – вы сейчас в управлении нашего городского МВД. Так? Тогда через полчаса мы за вами заедем, – тоном начальника, отдающего беспрекословные приказы, добавила Регина Михайловна и отсоединилась, прежде чем Гуров успел хоть что-то сказать в ответ.

Патрушева оказалась женщиной статной, с пышными формами, но, впрочем, не полной, а фигуристой. Волосы у нее были подстрижены каре и выкрашены в красивый каштановый цвет, что делало Регину Михайловну моложе своих, под полтинник, лет. Приехала она на массивном, темно-серого цвета внедорожнике «Brilliance V3» класса делюкс и вышла навстречу Гурову уверенная и в себе, и в своих действиях.

– Садитесь рядом с водителем, – сказала она. – Будете говорить ему, куда ехать.

– А давайте-ка, Регина Михайловна, мы сядем вместе на заднее пассажирское, и я, чтобы не терять времени, по дороге буду задавать вам вопросы о вашем муже, – предложил в ответ Гуров. – А водителю я и так адрес морга скажу. У вас наверняка в машине есть навигатор. Так что проблем найти нужный адрес не будет.

Патрушева нехотя согласилась, а после того, как Лев Иванович по-джентльменски вежливо открыл заднюю дверцу и подал Регине Михайловне руку, помогая с комфортом разместиться в салоне, она оттаяла и, сменив тон, кокетливо заметила:

– А вы, Лев Иванович, настоящий полковник. В полиции сейчас в основном хамы работают, а вы, я смотрю, человек старого воспитания и знаете подход к женщинам.

– Прямо уж так и все в полиции хамы? – усмехнулся Гуров.

Патрушева ему совсем не нравилась ни как женщина, ни как человек, несмотря на ее пышные формы и на ее кокетливую лесть. Он чувствовал и видел в Регине неискренность. А еще его поразил тот факт, что Патрушева даже не пыталась изобразить хоть какие-то эмоции, которые бы дали полковнику из Москвы понять, что она сожалеет о кончине своего мужа.

– Так о чем же вы хотели меня спросить? – будничным тоном поинтересовалась Регина Михайловна у Гурова, когда машина наконец тронулась и отъехала от здания управления МВД.

– Расскажите мне, при каких обстоятельствах пропал ваш муж, – глядя на собеседницу, попросил Лев Иванович.

Патрушева внимательно и прямо посмотрела на Гурова и, улыбнувшись только уголками ярко накрашенных губ, сказала:

– Вы наверняка сейчас думаете, что я бессердечная и никчемная жена. Мужа убили, а я нисколько не переживаю и не страдаю от этого. Знаете – переживаю. Чисто по-человечески мне его жаль. Но только чисто по-человечески. Мы с Кириллом Исаевичем уже давно стали чужими друг другу. У каждого была своя жизнь, свои интересы, своя работа. И хотя мы продолжали жить с ним под одной крышей, но в разных концах дома. Да, у нас не квартира, а дом, – ответила она на вопросительный взгляд полковника, – и довольно просторный для двоих. Наши дети – давно уже самостоятельные, семейные и живут отдельно от нас.

– Регина Михайловна, а давно у вашего мужа своя практика и своя клиника? – Гуров решил направить многословие Патрушевой в нужное ему русло. – И уточните, пожалуйста, он по профессии стоматолог или зубной техник? Насколько мне известно, это несколько разные категории.

– Кирилл Исаевич был профессионалом многогранного профиля. Но в первую очередь, конечно же, он был стоматологом с высшим образованием. Мог при необходимости быть и хирургом, и ортопедом, и даже да – зубным техником, – четким, хорошо поставленным голосом оратора, читающего лекцию, ответила Патрушева. – В своей профессии он был ас, можно так сказать. К нему приезжали из самых разных регионов. Ну а практика... – Регина Михайловна посмотрела в окно со стороны Гурова. – Практикует он с начала две тысячи десятого года. Клинику построили несколько позже, – ушла она от прямого ответа на вопрос.

– Так когда же все-таки пропал ваш муж? – напомнил Лев Иванович свой первый вопрос.

– Если честно, то точно я не знаю, – опустила голову Патрушева. – На праздники я уезжала из города и гостила у сына в Москве. Там же к нам присоединилась дочь с мужем и внуком. Уехала я накануне нового года – тридцать первого числа, и вернулась только третьего января вечером.

– Все это время вы с мужем не созванивались?

– Нет. Я ведь вам уже сказала, что мы с ним давно чужие друг другу.

– Ну а дети? Ведь кто-то из детей ему наверняка звонил, чтобы поздравить с праздником?

Регина Михайловна посмотрела на Гурова, и он увидел на ее лице горькую насмешку. Приподняв ровную, словно нарисованную, бровь, она ответила:

– Дети давно уже не желают общаться с отцом. Вернее, это он сам дал им понять, что не хочет с ними иметь никакого общения. У Кирилла Исаевича вообще был очень тяжелый характер, замкнутый и угрюмый. Кроме своей работы, книг и классической музыки, его мало что в этой жизни интересовало. Даже собственные дети.

– Извините за нескромный и весьма личный вопрос. – Лев Иванович посмотрел на реакцию Патрушевой, помолчал и спросил: – У него были какие-то любовные связи на стороне?

– У мужа? – фыркнула Регина Михайловна. – Нет, не было.

– Значит, были у вас?

– Это к делу не относится, – сказала, как отрезала, депутатша. – Это мое личное дело, с кем я сплю. Муж у меня давно стал в этом отношении человеком несостоятельным, а я... В общем, к убийству мужа это никак не относится.

– Ну, версии мы будем рассматривать разные... – как бы самому себе вполголоса сказал Гуров и, покосившись на Патрушеву, заметил, как она недовольно нахмурилась, а верхняя губа у нее дернулась в нервном тике. Это говорило о том, что женщина злится, и обсуждение этой темы – ее адюльтера – ей очень даже не нравится. – Так когда же вы обнаружили, что ваш муж пропал? – сменил Гуров тему.

– Вечером третьего числа. Это было примерно в семь вечера. Когда я вернулась домой, то думала, что Кирилл Исаевич задержался в клинике. По расписанию у него был рабочий день. Но он не пришел и к девяти часам. И я решила позвонить ему по телефону. Телефон был отключен, и я даже подумала, что он завел с кем-то роман, а потому отключил свой мобильный. Я не стала больше звонить. Забеспокоилась только утром четвертого числа, когда мне

позвонила из клиники его помощница и спросила, не знаю ли я, где Кирилл Исаевич. Его, оказывается, не могут найти со вчерашнего дня. На работу он не приехал, на звонки не отвечал. И вообще его телефон все время был отключен.

– И тогда вы поехали в полицию?

– Нет, – Регина Михайловна глянула на Гурова недовольным взглядом. – Тогда я поехала в «Ариэль» и стала выяснять, кто и когда видел его в последний раз.

– И что же вы узнали?

– Последним, тридцать первого декабря в шесть вечера, его видел охранник, когда Кирилл Исаевич уходил домой. По его словам, муж сам закрыл двери клиники и сам включил сигнализацию. Стоматология у нас двухэтажная и стоит отдельным зданием, – пояснила Патрушева. – Охранник распрощался с мужем у входа, сел в свою машину и, пока прогревал ее, видел, как Кирилл Исаевич завел свой «Ниссан» и уехал. С тех пор никто его больше не видел. После этого я поехала в полицию и написала заявление.

– А у кого еще, кроме вашего мужа, есть ключи от стоматологии?

– Обычно первыми приходят дежурный охранник и дежурная регистраторша, которая отвечает на звонки и ведет запись на прием к разным врачам. Ключ находится у регистраторши, а отключает сигнализацию охранник.

– Ну хорошо, – кивнул Гуров. – Регина Михайловна, а у вас есть какое-то предположение, кто бы мог убить вашего мужа? Были у него враги или недоброжелатели?

– У Кирилла Исаевича – враги? – театрально ужаснулась Патрушева. – Какие еще враги! Откуда? Он в своей жизни никого не обидел и не оскорбил! Несмотря на его нелюдимый характер, он был весьма интеллигентным человеком, повернутым на своей работе, старых книгах и классической музыке. Общался он мало даже с постоянными своими клиентами, предпочитая заниматься только их зубами. Я представления не имею, кто бы мог желать ему плохого.

– А почему вы с ним не развелись, раз ничего общего у вас не было? – спросил Гуров.

– Привычка, – ухмыльнулась Регина Михайловна. – Когда живешь с человеком много лет, то привыкаешь к нему. Как к любимому креслу, например. Вы уж извините, что я так откровенно говорю. Но лучше уж быть циничной и честной, чем утверждать, что все было прекрасно, и лгать. А потом, вы ведь все равно узнаете правду. Не от меня, так от других. Я – человек публичный, да и Кирилла Исаевича многие в городе хорошо знали. Так что от сплетен и слухов никуда не денешься. Да мне и скрывать нечего. Говорю как есть. Меня моя жизнь устраивала.

– Теперь вы свободны и от сплетен, и от пересудов. – Гуров, чуть склонив голову, посмотрел на Регину Михайловну.

– Вы так думаете? Тогда вы плохо знаете людей. Народ у нас злой и часто несправедливый. Он всегда найдет тему для сплетен. Даже смерть Кирилла Исаевича людишки вывернут так, что убийцей окажусь я.

– Эти людишки, как вы их называете, выбрали вас своим депутатом, – напомнил Патрушевой Гуров. – Доверие вам оказали.

Депутатша недобрым взглядом зыркнула на полковника, но тут же отвернулась.

– В Суздаль въезжаем, – сказал она. – Говорите, куда ехать.

Лев Иванович назвал водителю адрес морга и позвонил Варержкину.

– Привет, Антон. Я вернулся. Еду в морг с женой Проппа, везу ее на опознание. У тебя есть какие-то новости?

– Объявления распечатали, я отвез их в ЖЭК. Завтра всем дворникам их раздадут и вдобавок вывешат на всеобщее обозрение. Будем надеяться, что кто-нибудь и отзовется, – доложил капитан. – Успел позвонить в пару фирм по предоставлению услуг по загрузке-разгрузке. Спросил насчет крана и грузовика, но пока ничего. Никто у них в праздничные дни не нанимал технику.

– Что ж, работай дальше, – вздохнул Гуров. – Если результат по фирмам в Суздале будет нулевым, звони по владимирским объявлениям.

– Лады, сделаю, – как пионер, бодрым голосом ответил Антон. – Но этим я уже завтра с утра займусь. Сегодня рабочий день у многих закончился. Во всяком случае, у конторских. У вас какие новости?

– Свои новости я тебе потом расскажу, вечером. Пока не могу говорить, – покосился на смотревшую на него с легкой усмешкой Патрушеву Лев Иванович.

Уже через десять минут после разговора с Варежкиным Гуров и Регина Михайловна вышли из машины и направились к неприглядному зданию городского морга. Взглянув на Патрушеву, Лев Иванович обратил внимание, что бодрость и самодовольство депутатши словно куда-то испарились и на их месте на побледневшем ее лице читались растерянность и страх.

«Ну хоть что-то эту бой-бабу может пронять, – беззлобно подумал Гуров. – Смерти боятся даже такие уверенные в своей нерушимости и гордыне депутаты. – И тут же ему в голову пришла неожиданная и, по сути, посторонняя мысль. – И зачем женщины в политику идут? Это же сплошная грязь! Как только не боятся запачкаться?»

Глава 14

Станислав Крячко после совещания у Сладкова сразу же направился в «Ариэль». Адрес стоматологической клиники в интернете нашел Ренат. Позвонив по данному на странице сайта телефону, Крячко узнал, что работает клиника до семи часов вечера. Так что время спокойно поговорить с персоналом у Станислава было.

Молоденькая дежурная регистраторша, внимательно изучив протянутое ей удостоверение, засуетилась и вызвала по телефону помощницу Проппа – женщину лет сорока, худую и плоскую, с черными строгими глазами, спрятанными за толстыми линзами очков.

– Берестова Алла Григорьевна, – представилась она Станиславу, протянув ему худую, с длинными пальцами ладонь. – Пойдемте ко мне в кабинет, там и поговорим, – сказала она и, строго посмотрев на дежурную, на бейджике которой значилось имя Виола, проговорила: – Меня ни с кем не соединять. Перенаправляй всех к Роману. Он все равно сейчас без дела сидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.